

либерал

Эмиль А. Паин

Этничность, нация и политика

Критические очерки по этнополитологии

आं

Эмиль Паин

**Этничность, нация и
политика. Критические
очерки по этнополитологии**

«НЛО»

Паин Э. А.

Этничность, нация и политика. Критические очерки по
этнополитологии / Э. А. Паин — «НЛО»,

ISBN 978-5-44-482093-3

Историю политических процессов в Российской империи, формирование советской государственности, ее последующий распад, события, происходящие в современной России, трудно рассматривать в отрыве от интересов различных национальных и этнических сообществ, из которых состояло государство в разные периоды своего существования. Книга Эмиля Паина посвящена проблемам этнополитологии и обобщает более чем сорокалетние исследования и наблюдения ее автора. Первая часть («Теория») посвящена дискуссионным вопросам о сущности этнических и национальных явлений в их связи с политическими факторами. Автор предлагает свою интерпретацию известных подходов к изучению этничности и нации, а также свои теоретические концепции, в частности такую, как «имперский синдром». Во второй части книги («История») представлен анализ радикальных колебаний этнонациональной политики в СССР и в современной России с позиций авторской теории «этнополитического маятника». В третьей части («Практика») проанализированы ключевые концепции этнополитического управления в полиэтничных обществах и предложены некоторые корректировки современной российской национальной политики в свете парадигмы управления культурным разнообразием. Эмиль Абрамович Паин – доктор политических наук, профессор НИУ ВШЭ и бывший советник Президента России по национальной политике (1996–1999).

ISBN 978-5-44-482093-3

© Паин Э. А.

© НЛО

Содержание

Введение	6
ТЕОРИЯ	19
1. Политический контекст генезиса этнологических терминов и понятий	19
2. Современные концепции этничности	31
3. «Нация», «этнос» и «этничность»: трактовка в рамках плюралистической методологии	40
4. Этнополитические процессы: новые подходы к анализу	52
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Эмиль А. Паин

Этничность, нация и политика.

Критические очерки по этнополитологии

Введение

В таких полиэтнических государствах, как Российская империя, Советский Союз и постсоветская Российская Федерация, взаимоотношения множества этнических сообществ между собой и с политическими субъектами (властью, партиями, движениями, лидерами и др.) всегда оказывали и оказывают сегодня заметное влияние на политические процессы. Не случайно этнополитическая тематика многообразно проявляется в жизни страны как раздел государственного управления («национальная политика»), как важная часть отечественной политической истории и как предмет теоретических исследований в рамках разных научных дисциплин: этнологии, политологии, русистике, политической истории государства и др. В России сложилась и особая научная дисциплина – *этнополитология*, одних лишь учебников по этому предмету выпущено около десятка¹. Эта дисциплина, как бы ее ни определяли в учебниках, так или иначе связана с изучением связи и взаимной обусловленности политических процессов, с одной стороны, и этнических, а также национальных – с другой. При этом мы подчеркиваем различия, ускользающие от внимания многих авторов, между этническими и национальными явлениями.

В 1980-х годах академик Ю. В. Бромлей разработал детальную классификацию этнических и антисоциальных процессов, применимую и к процессам этнополитическим. В качестве основания для классификации всех этих процессов академик выделил их функции разделения (сепарации) и объединения (интеграции)². После распада СССР исследователи в России и других странах постсоветского мира, в силу понятных исторических причин, сосредоточились в основном на изучении лишь одной разновидности этих процессов – дезинтеграционной, пытаясь понять и объяснить причины распада Советского Союза, возникновения этнополитических конфликтов и роста этнополитического экстремизма в новых независимых государствах. Со временем в условиях политической стабилизации сформировалась общественная потребность в развитии теории этнополитической интеграции. С каждым годом росла и все больше осознавалась необходимость использования научного анализа для совершенствования национальной политики, корректировки ее целей, адекватного определения ее ресурсов и механизмов.

Практическая актуальность этой задачи как будто бы не требует доказательств, поскольку подтверждена на высшем государственном уровне созданием *Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации*³ и принятием «Стратегии государственной

¹ Абдулатипов Р. Г. Этнопотология. М.: Питер, 2004; Ачкасов В. А. Этнопотология. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005; Он же. Этнопотология: Учебник для бакалавров. 2-е изд. М.: Юрайт, 2014; Красова Е. Ю. Этнопотология: Учебно-методическое пособие по спецкурсу. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2005; Садохин А. П., Шабает Ю. П. Этнопотология. М.: Юнити, 2005; Шелестов Ю. И. Этнопотлогия. М.: МГУ, 2006; Тишков В. А., Шабает Ю. П. Этнопотлогия: политические функции этничности: Учебник для вузов. М.: Изд-во МГУ, 2011; и др. До этих учебников вышла монография: Паин Э. А. Этнопоттический маятник. Динамика и механизмы этнопоттических процессов в постсоветской России. М.: Институт социологии РАН, 2004, которая использовалась автором как учебное пособие в преподавании дисциплины «этнопотлогия» в НИУ «Высшая школа экономики».

² Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. С. 235.

³ Совет по межнациональным отношениям при Президенте РФ – совещательный и консультативный орган при главе государства. Образован 5 июня 2012 г. во исполнение указа Владимира Путина от 7 мая 2012 г. «Об обеспечении межнационального согласия». URL: <https://sovetnational.ru/sovet/>.

национальной политики до 2025 года»⁴. Вместе с тем такая институционализация национальной политики, разумеется, не исчерпывает научное понимание этой проблемы. Это сложная задача хотя бы потому, что ее трудности начинаются уже в попытках определения самого термина «национальная политика». Такая политика может трактоваться чрезвычайно широко, как синоним всей государственной политики России (подобная широкая трактовка этого термина характерна для США, но все чаще используется и в политическом, в том числе официальном, дискурсе России⁵), или весьма узко, например только как регулирование межэтнических отношений или поддержка этнокультурного развития народов.

Мы выбираем некий промежуточный подход по широте охвата предмета национальной (этнонациональной) политики, считая основной целью такой политики формирование гражданской нации в Российской Федерации, а также связанную с этим необходимость разработки и реализации государственных программ гражданской интеграции этнических общностей в рамках демократического, правового, федеративного государства. В таком понимании национальная политика России, на наш взгляд, еще не сложилась – по крайней мере, в реальной практике (об этом мы поговорим в первой, теоретической, и в третьей, посвященной управлению культурным разнообразием части данной монографии), поэтому чрезвычайно актуальны исследования возможных направлений формирования гражданской нации в России.

Необходимость наполнения национальной политики новым содержанием, соответствующим задачам политической модернизации российского общества, значительно повышает практическую и теоретическую актуальность исследований современных этнополитических процессов. Их актуальность определяется также:

– важностью роли этнополитических процессов в таком многонациональном государстве, как Россия, устойчивое развитие и сохранение целостности которого во многом зависит от состояния и характера межэтнических отношений;

– своеобразием этнополитической истории России по сравнению со странами, на примере которых вырабатывались классические концепции политического транзита;

– высокой динамичностью этнополитических процессов, требующих постоянного внимания и новых объяснений происходящих перемен, проявляющихся не только в сравнении постсоветской России с советским временем, но и при сопоставлении еще более коротких исторических периодов, например двух постсоветских периодов, охватывающих время лидерства двух первых президентов РФ.

Те или иные научные направления этнополитологии привлекли немало известных исследователей. Среди них: Р. Г. Абдулатипов, В. А. Авксентьев, А. С. Ахиезер, О. И. Вендина, М. С. Джунусов, Л. М. Дробижина, А. Г. Здравомыслов, В. Н. Иванов, В. С. Малахов, В. А. Михайлов, В. И. Мукомель, А. А. Попов, Е. И. Степанов, Э. И. Скакунов, В. А. Тишков, Э. Н. Ожиганов, А. А. Язькова и многие другие⁶.

⁴ Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70184810/>.

⁵ Такая трактовка вытекает, например, из официального российского толкования понятия «национальные интересы», под которыми понимается «совокупность внутренних и внешних потребностей государства в обеспечении защищенности и устойчивого развития личности, общества и государства» (Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»). Характерно, что и стратегия государственной национальной политики до 2025 г., в новейшей ее редакции 2018 г., определяет ее как документ «стратегического планирования в сфере национальной безопасности Российской Федерации» (Пункт 1 Указа Президента России от 6 декабря 2018 г. № 703. URL: <https://base.garant.ru/72120010/>).

⁶ *Абдулатипов Р. Г.* Этнонациональная политика в Российской Федерации. Концепции, практика, реализация, перспективы. М.: Классик-Стиль, 2007; *Авксентьев В.* Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. Ставрополь, 2001; *Ахиезер А. С.* Культурные основы этнических конфликтов // *Общественные науки и современность.* 1994. № 4. С. 115–126; *Вендина О. И., Паин Э. А.* Многоэтнический город. Проблемы и перспективы управления культурным разнообразием в крупнейших городах. М.: Сектор, 2018; *Джунусов М. С.* Методологическое введение к изучению социально-политических и межнациональных конфликтов. М., 1991; *Здравомыслов А. Г.* Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве.

Растущее число этнополитических исследований уменьшает зону непознанного или необъясненного при изучении этнополитических процессов в развитии СССР и современной России, но вместе с тем новые исследования поднимают и новые вопросы. Они затрагивают многочисленные научные проблемы, такие как: дискуссионность этнополитической терминологии; соотношения этнических и политических компонент в этнополитологии; проблемы методологии их изучения; проблемы управления этнополитическими процессами. Чаще всего различные аспекты этнополитологии изучаются «в розницу», в отрыве друг от друга, что уменьшает целостность и глубину понимания этой проблематики. Этим в значительной мере определяется мотивация автора в написании настоящей книги, направленная на решение следующих задач:

- провести аудит основных дискуссионных вопросов в сфере этнополитологии. Разумеется, речь не идет об исчерпывающем и всестороннем аудите, а только об авторском его видении, с позиций интересов, которые успели сложиться за более чем 40 лет деятельности автора как академического ученого, преподавателя университета и советника президента России (1996–1999) по этнонациональной политике;
- сопоставить выводы автора конца 1990-х и начала 2000-х годов с результатами исследований последующего двадцатилетия и определить, какие идеи оказались релевантными нынешней этнополитической ситуации в России, а какие требуют уточнения или пересмотра;
- рассмотреть с единых концептуальных позиций три проекции этнополитических исследований: теорию этнополитических процессов; историю национальной политики СССР и постсоветской России и, наконец, ее современную практику и перспективы.

Попытка обобщения, не говоря уже о «замахе» на синтез существующих в этнополитологии подходов, наталкивается на множество теоретических преград. Прежде всего, многое зависит от тех теоретических установок относительно сущности этничности и нации, которыми руководствуется исследователь. Мы увидим, насколько значительными были и остаются расхождения взглядов в продолжающейся дискуссии как о сущности этноса и этничности, так и о концепции нации. Далее, возможность обобщения взглядов на сущность и содержание этнополитологии зависит от устанавливаемых исследователем рамок предметной области данной дисциплины, а они варьируются от крайне узких до безмерно широких.

В настоящем введении к книге мы попытаемся обозначить основные научные проблемы, которые в ней рассматриваются.

Что понимают под этнополитологией и каковы ее концептуальные основы?

В мировой науке можно выделить три наиболее распространенные точки зрения на предмет и содержание этнополитологии. Можно выделить три наиболее распространенные ее характеристики: этнополитология 1) изучает историю зарождения и развития этнополитической мысли; 2) формирует теории, модели и концептуальное разъяснение для этнической политики; 3) рассматривает только современные этнополитические явления и процессы.

Впрочем, отмеченные характеристики вовсе не исчерпывают всех трактовок сущности этнополитологии, которые предлагались учеными. Например, к узким трактовкам содержания этой науки тяготел один из ее основоположников Майкл Паренти, сводивший функции этнополитологии (Ethnopolitics) лишь к исследованиям связей между этнической принадлежностью

М., 1997; Паин Э. А. Этнополитический маятник; *Он же*. Между империей и нацией. М.: Новое издательство, 2004; Попов А. А. Причины возникновения и динамика развития конфликтов // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997. С. 273–297; Ожиганов Э. Н. Сумерки России. М., 1996; Степанов Е. И. Конфликтология переходного периода. М., 1996; Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Наука, 1997; Червяков В., Шапиро В., Шереги Ф. Межнациональные конфликты и проблемы беженцев. Ч. 1, 2. М., 1991; Язькова А. А. Национально-этнические проблемы (российский и мировой опыт их регулирования). М., 2003.

людей и их политическими ориентациями⁷. К сторонникам узкой трактовки можно также отнести одного из наиболее известных этнополитологов XX века Джозефа Ротшильда. В своей фундаментальной монографии «Этнополитика: концептуальные рамки» он определил цели науки только как анализ процессов этнополитического ренессанса и изучение роли политизированных этнических групп в политической жизни страны и мира в целом⁸. Другой известный ученый, Пьер Ван ден Берге, видел основной смысл этнополитологии исключительно в изучении отношений между государством и этническими меньшинствами⁹. Большая группа известных ученых (среди них Карл Дойч, Энтони Смит, Хью Сетон-Уотсон и др.) не использовали применительно к своим трудам ни термин этнополитология, ни более привычный для англоязычной научной литературы термин этнополитика, но фактически изучали этот предмет, ограничивая его исследованием различных форм нации и национализма в их взаимоотношениях с государством¹⁰.

Однако узкие трактовки господствовали преимущественно в 1960–1980-х годах. Позднее предметная зона этнополитологии стала расширяться и углубляться, что заметно по истории публикаций в этой области знаний: чем ближе год их выпуска к нашему времени, тем шире представленная в них трактовка предмета исследований. Начиная с 1990-х годов большинство авторов включают в предмет этнополитологии не только проблемы меньшинств, наций и национализма, но и всевозможные разновидности социальных, культурных и политических процессов, субъектами которых выступают этнические сообщества различного таксономического уровня, включая и надэтнические, локально-цивилизационные сообщества. Активность разнообразных этнополитических акторов рассматривается как на национальном, так и на международном уровне, во взаимоотношениях с различными типами политических систем¹¹.

Автор данной монографии был и остается приверженцем широкой трактовки предмета этнополитологии и определяет его как сочетание двух взаимосвязанных и комплементарных подходов¹². Первый – «от этничности к политике» – подразумевает исследование этнических особенностей социальных и политических субъектов и их влияния на политику. Второй – «от политики к этничности и нации» – предполагает изучение влияния политических явлений и процессов на этническую динамику; межэтнические отношения и национальное строительство. Этнополитология изучает отношения трех видов: 1) между этническими общностями и политическими субъектами (государством, партиями, персонами); 2) между разными этническими общностями; и, наконец, 3) между индивидуальными акторами внутри этнической общности, в той мере, в какой эти отношения опосредованы социально-политическими факторами¹³.

Этнополитология сегодня представляет собой междисциплинарное научное направление, предметная зона которого лежит на пересечении нескольких наук, прежде всего политологии, социологии и этнологии. Это направление сложилось сравнительно недавно, и, возможно, уже сама новизна предмета, отсутствие устоявшихся взглядов обусловили огромное разнообразие мнений относительно природы и содержания этнополитических явлений.

⁷ Parenti M. Ethnic Politics and Persistence of Ethnic Identification // American Political Science Review (APSR). 1967. Vol. 61. № 3.

⁸ Rotshild J. Ethnopolitics: A Conceptual Framework. New York, 1981.

⁹ Van den Berghe P. Protection of Ethnic Minorities: A Critical Appraisal // Protection of Ethnic Minorities. New York, 1981.

¹⁰ Deutsch K. Nationalism and Social Communication: An Inquiry into the Foundations of Nationality. Cambridge, MA, 1953 (2-е изд. 1966); Seton-Watson H. Nations and States. London, 1977; Smith A. Theories of Nationalism. London, 1971.

¹¹ Kellas J. The Politics of Nationalism and Ethnicity. London, 1991; Esman M. J. Ethnic Politics. Ithaca, 1994.

¹² Паин Э. А. Этнополитический маятник. С. 15.

¹³ На это определение Э. Паина ссылаются в некоторых учебниках, см., например: Ачкасов В. А. Этнополитология: Учебник для бакалавров. С. 14.

Сама классификация этнополитологических концепций представляет собой самостоятельную теоретическую проблему в силу разнообразия критериев такой классификации. Одни авторы классифицируют этнополитические течения и школы по принципу универсализма и релятивизма их исторического подхода; другие выделяют объективизм или субъективизм концепций; третьи классифицируют этнополитические концепции по их отношению к феноменам этничности и нации¹⁴. Последний подход самый популярный и распространенный, и именно он используется в большинстве учебников.

В данной работе для анализа этнополитических концепций используется иной, историко-генетический подход, располагающий различные концепции на исторической шкале – от древних античных идей до современных концепций. Таким образом, ученые, эксперты и широкий круг читателей получают возможность не только проследить истоки возникновения основных этнополитических доктрин, но и увидеть взаимосвязь и, по большей части, комплементарность идей, многие из которых рассматривались современниками как антагонистические.

О роли этнонациональных факторов в политической трансформации Советского Союза

Этнополитическая проблематика в той или иной мере присутствует в подавляющем большинстве научных работ о политической истории СССР и России. Однако это присутствие, как правило, не явное. В политологических и исторических работах чаще всего не анализируются этнические и национальные особенности социально-политических процессов. Характерный тому пример – начавшаяся в 1980-х годах и длящаяся по сей день грандиозная дискуссия о роли национализма в распаде империй, в том числе на материалах СССР и России, в большинстве рассуждений которой игнорируются этнические особенности национализмов, например русского, грузинского, осетинского, литовского или молдавского¹⁵. В то же время в работах этнологов, посвященных социально-политическим проблемам, чаще всего ограничена политологическая перспектива, в частности отсутствуют объяснения различий между управляемыми и саморазвивающимися процессами¹⁶. Вследствие таких методологических недостатков остаются непонятыми и, зачастую, слабо отрефлексированными многие важные научные проблемы, например причины и региональные особенности последовательного роста в послевоенном Советском Союзе как стихийного этнического протеста, так и политически организованного национализма. Менее всего изучены причины *этнизации* (роста этнической окрашенности) и политизации социального протеста в период правления Л. И. Брежнева в сравнении с предшествующим периодом – временем Н. С. Хрущева. В постсоветское время волны подъема и спада национальных движений развивались в обратной последовательности: они достигли

¹⁴ Об этом подробнее см., например: *Марченко Г. И.* Методологические подходы к исследованию этнополитических явлений // Вестник Московского ун-та. Серия 12: Политические науки. 1995. № 1. С. 5–15.

¹⁵ См., например: *Kapper d' Анкокс Э.* Расколотая империя. Лондон: OPI, 1982; *Brzezinski Z.* Post-Communist Nationalism // Foreign Affairs. Vol. 68. № 5 (Winter, 1989). P. 1–25; *Хоскинг Дж.* История Советского Союза 1917–1991 гг. М.: Варриус, 1994; *Швейцер П.* Победа. Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря / Пер. с польского. М.: Авест, 1995; *Сунд Р. Г.* Империя как она есть: имперский период в истории России, «национальная» идентичность и теории империи // Национализм в мировой истории / Под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана; Институт этнологии и антропологии РАН. М.: Наука, 2007; *Мотыль А.* Пути империй: упадок, крах и возрождение имперских государств. М.: МШПИ, 2004; *Lieven D.* Empire: The Russian Empire and Its Rivals. New Haven, CT, 2000; *Бейцзингер М.* Переосмысление империи после распада Советского Союза // Ab Imperio. 2005. № 3. С. 35–88.

¹⁶ См., например: *Тишков В. А.* Очерки теории и политики этничности в России; *Губогло М. Н.* Переломные годы. Т. 1: Мобилизованный лингвизм. М., 1993; *Чешко С. В.* Распад СССР: этнополитический анализ. М.: ИЭ РАН, 2000; *Шнирельман В. А.* Страсти по Аркаиму: арийская идея и национализм // Язык и этнический конфликт / Под ред. М. Б. Олкотта, И. Семенова. М.: Гендальф, 2001; и др.

апогея в 1990-х годах и стали затухать в 2000-х. Завершится ли на этом волнообразный процесс этнополитической активности?

В данной книге автор ищет ответы на перечисленные вопросы и, пожалуй, впервые в российской литературе предлагает классификацию взаимоотношений национальных движений и властей (федеральной и региональных) в постсоветское время. Некоторые из этих взаимоотношений привели к постепенному ослаблению национальных движений, а другие, напротив, завершились прорывом национальных движений во власть отдельных республик России.

***Проблема двух типов воображаемых сообществ (этносов и наций),
особенностей идентичности (этнической и национальной), а также
связанных с этим различий типов политической мобилизации***

Термины *нация* и *этнос*, как и производные от них *этничность* и *национальность*, *межэтнические* и *межнациональные отношения*, появились в научном и политическом дискурсе России в разное время. Изменения в терминологии отражают не только перемены научных подходов в этнологии и политической науке, но и, как будет показано в этой книге, идейные столкновения разных политических сил. Однако в современной исторической и политологической литературе, в той или иной мере затрагивающей взаимоотношения разных народов между собой и с государственной властью, эти термины не различаются, а используются как синонимы. В таких работах крайне редко проводится различие между этническими и национальными типами общностей, а разные виды консолидации (этническую и национальную) чаще всего называют одним термином – *национализм*. Такое невнимание к концептуальным деталям сильно затрудняет, на наш взгляд, возможность понимания разных механизмов и компонентов трансформации многосоставных государств, в частности особой роли этнокультурных и национально-политических факторов.

Оба типа сообществ – этнические и национальные – являются воображаемыми в терминологии Бенедикта Андерсона, поскольку складываются в результате идентификации людей с неким воображаемым «мы». Исторически первичное, этническое «мы» опирается на воображение, чаще всего мифологическое или, точнее, мифологизированное, об общем историческом происхождении, общей культуре, особом и общем этническом языке народа, а возникшее намного позднее национальное «мы» связано с представлением об общем гражданстве, народном суверенитете и праве народа (нации) на политическое самоопределение в конкретном государстве.

В нашей книге анализируются разные роли этнической идентичности в самосознании этнических меньшинств и этнического большинства, а также различия в уровне завершенности формирования национально-политического самосознания общества в Советском Союзе и современной России.

Автор книги исходит из представления о том, что к настоящему времени в России еще не сложилась гражданская нация, прежде всего в том смысле, что гражданское общество не стало ведущей силой в политической системе. Россия не стала «обществом, овладевшим государством»¹⁷. Эта моя позиция вызывает споры: одни известные ученые с ней солидарны, другие оспаривают ее, а третьи принимают частично¹⁸. В то же время по вопросу об этнической (в традиционном дискурсе об «этнонациональной») идентичности и этнической консолидации значительных разногласий среди академических ученых не наблюдается. Общеизвестно, что большинство крупнейших народов Российской Федерации прошли стадию этнонациональной

¹⁷ Паин Э. А., Федюнин С. Ю. *Нация и демократия: перспективы управления культурным разнообразием*. М.: Мысль, 2017.

¹⁸ Подробнее об этой дискуссии см.: Дробизева Л. М. *Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет*. М.: Новый хронограф, 2013. С. 24–27.

консолидации. Это значит, что у этих народов единое этническое самосознание или полностью вытеснило архаичное родо-племенное, или, по крайней мере, стало более значимым в сравнении с самосознанием остатков родовых или племенных сообществ, таких как тейпы и тухумы (у ряда народов Северного Кавказа), а также субэтнические локально-земляческие и региональные объединения. В советское время десятки народов обрели статус титульных этнонаций, самоназвания (этнонимы) которых используются в наименовании государств или внутренних этнотерриториальных автономий (в России это республики, автономные округа и автономная область)¹⁹. Этнонациями называют и народы (этнические общности), языки которых признаны государственными, хотя в названиях (титулах) территориальных автономий они не отражены (например, абазыны в Карачаево-Черкесской Республике, аварцы и другие народы Дагестана)²⁰.

Итак, в данной книге используются два различных понятия – *этнонация* или *этнос*, с одной стороны, и *политическая нация* или просто *нация*, отличная от этноса, – с другой. Далее мы выделяем две разновидности политической нации – этатистскую (государственническую) и гражданскую, или *нацию граждан*, основанную на идее народного суверенитета и политического участия. Мы также предлагаем различать *этнический* и *национальный виды мобилизации*. Первый вид мобилизации связан с этнической идентичностью и солидарностью и обладает рядом свойств, которые анализируются нами на основе теории «социальных границ» Фредрика Барта²¹. Национальная же мобилизация опирается на гражданскую или этатистскую (государственническую) идентичность и на политические факторы активизации коллективных общностей. Например, национальная мобилизация в ходе войны может охватывать людей с *разной этнической идентичностью*. В книге ставится задача проанализировать особенности обеих разновидностей мобилизации в зависимости от типа политической культуры, сложившейся у разных народов к настоящему времени в тех или иных регионах страны. Мы также различаем разные типы национализма – этнический и гражданский (хотя на практике они зачастую переплетаются), и применительно к российскому контексту солидарны в этом с позицией выдающегося этносоциолога Л. М. Дробижевой²².

Об устойчивых особенностях этнополитических условий в России, феномене многосоставного государства и его разновидностях

Некоторые исследователи предлагают называть Россию *многосоставным государством*, с точки зрения типа государственного устройства, который сложился во времена, когда она была основой Российской империи, сохранялся в Советском Союзе и существует в нынешней Российской Федерации²³. Эта дефиниция представляется нам информативной, удобной для описания российского типа государственного устройства, характеризующегося не только высокой этнической мозаичностью (почти две сотни народов проживают в России, так же как и в СССР по переписи 1926 года²⁴), но и наличием исторически сложившихся этнических территорий, за некоторыми из которых закреплён особый административный статус национально-территориальных автономий. Концепт сложносоставного государства применим ко всем политиям с ярко выраженными этнотерриториальными автономиями, даже в тех случаях, когда на долю одного

¹⁹ Тишков В. А. Языки нации // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86. № 4. С. 296.

²⁰ Там же.

²¹ Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий / Под ред. Фредрика Барта. М.: Новое изд-во, 2006.

²² Дробижева Л. М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. С. 25.

²³ Многосоставные государства: опыт и перспективы развития: Сб. ст. / Под ред. А. Ю. Саломатина. Пенза: Изд-во ПГУ, 2019.

²⁴ Словари национальностей Всесоюзной переписи населения 1926, 1937, 1970 и 1979 гг. // Демоскоп Weekly. 2014. № 521–522. Апрель. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0591/chit_zal01.php.

из народов, этнического большинства страны, приходится свыше 80% численности населения (доля русских в России) или даже свыше 90% (доля ханьцев в Китае). И в этих случаях у всех многосоставных государств проявляется однотипная проблема – проблема поддержания территориальной целостности страны в случаях, когда у населения автономий формируются сепаратистские настроения. Понятно, что такая специфика сложносоставных государств обуславливает сходство целей государственной этнонациональной политики.

Нельзя сказать, что исследователи этнополитических процессов не обращали внимания на специфику России как сложносоставного государства (хотя и не всегда называли ее так), однако сложились определенные диспропорции в преимущественном анализе лишь одной из разновидностей государств этого типа, а именно имперских государств. При этом внимание многих исследователей было приковано в основном к «гибели империй», к анализу причин их дезинтеграции и к изучению причин автономизации и национального самоопределения²⁵. Сама «гибель империи» чаще всего сводилась к упрощенному предположению о том, что их распад является прямым ответом на имперское угнетение «малых народов». Понятно, что эта гипотеза неадекватно отражает реальную ситуацию распада как Российской империи в 1917–1918 годах, так и Советского Союза в 1990–1991-м, хотя бы потому, что первыми из этих составных государств вышли отнюдь не самые угнетаемые сообщества. Примером служат Финляндия в начале прошлого века и Балтийские республики (Латвия, Литва и Эстония) в начале 1990-х годов, представлявшие собой наиболее развитые как в экономическом, так и в социально-культурном отношении этнические территории составного государства. В политологической литературе крайне редко анализировался факт чрезвычайной исторической устойчивости империй, которые до своего распада успевали просуществовать века, а иногда и тысячелетия.

В данной книге мы сосредоточиваем внимание не столько на «гибели империи», сколько на высокой исторической устойчивости некоторых свойств составных государств имперского типа. Мы исходим из того, что современная Россия является сложносоставным государством, в устройстве которого переплетены федеративные и имперские черты и элементы. Соотношение этих черт подвижно и меняется не только в длительной исторической перспективе, но и на протяжении постсоветского периода существования страны.

История национальной политики: необходимость дополнения политологических обобщений конкретикой исторического анализа

Наблюдения автора монографии как исследователя российского исторического опыта регулирования межэтнических и межрелигиозных отношений привели его к выводу о невозможности выделить единый и непротиворечивый тип государственной политической стратегии в отношении этнонациональной политики. Неоднократные попытки выделить стадийные модели национальной политики, соотносимые с разными эпохами – «имперская модель», «советская модель» и «современная российская модель», – оказались безуспешными и показали, что даже при самом обобщенном анализе заметны большие, а порой и радикальные изменения содержания таких моделей на разных этапах их реальной трансформации²⁶. Советские колебания национальной политики (заметные не только при сравнении времени правления разных лидеров страны, но даже и внутри одной лишь сталинской эпохи) были радикальными и весьма противоречивыми. Постсоветская Россия также представляет собой пример реализации разных и во многом противоположных политических стратегий.

²⁵ Brzezinski Z. Post-Communist Nationalism; Гайдар Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006; Мотыль А. Пути империй...

²⁶ Об этом подробнее см.: Вендина О. И., Паин Э. А. Многоэтнический город... С. 8.

Такие колебания обусловили и принципиальные различия в оценке национальной политики историками, политологами, этнологами и другими специалистами, в профессионализме которых не приходится сомневаться. Например, Абдурахман Авторханов, историк, исследователь советского периода и одновременно бывший партийный функционер, считал, что главной целью советской политики в отношении национальных меньшинств была их колонизация, ассимиляция и русификация. Он приводил многочисленные факты в доказательство своих выводов²⁷. В то же время известный американский историк Терри Мартин пришел к прямо противоположному заключению, и также не без весомых оснований. Он показал, что СССР был единственной в мире империей, которую можно было назвать *affirmative action empire* («империя позитивной дискриминации»), поскольку здесь в 1920–1930-х годах создавались привилегированные, преимущественные условия как раз для национальных меньшинств²⁸. В это время повсеместно (а в отдельные периоды и в некоторых регионах также и в 1940-х, 1950-х и даже в 1970-х годах) проводилась политика коренизации, состоявшая в продвижении на руководящие посты в советских республиках представителей национальных меньшинств, внедрении их национальных языков в делопроизводство и образование, поощрении издания книг, газет и журналов на этих языках²⁹. В 1937 году политика коренизации была свернута, а на смену ей пришла политика репрессий по отношению к этническим и религиозным меньшинствам.

Наша гипотеза состоит в том, что подходы Авторханова и Мартина лишь кажутся взаимоисключающими, а в действительности дополняют и сменяют друг друга применительно к отдельным периодам времени, поскольку вся советская национальная политика развивалась волнообразно и напоминала действие маятника – «этнополитического маятника». Вся вторая часть монографии («История») посвящена верификации этой идеи и дискуссиям вокруг нее.

Впервые идею этнополитического маятника автор высказал в 2004 году³⁰. Через 12 лет термин «маятник» применительно к проблематике национальной политики был использован в коллективной публикации петербургских политологов А. Н. Щербака и его коллег³¹. В 2018 году А. Щербак и коллеги развили свою идею, соединив проблемы внутренней и внешней политики СССР³². В данной монографии автор выражает сомнения в релевантности и доказательности гипотезы моих петербургских коллег о механизме действия «маятника» национальной политики, но одновременно пересматривает и свою позицию 2004 года. Тогда мы рассматривали идею маятника как модель, отражающую колебания (крутые и частые перемены) отношения государства к этническому большинству и меньшинствам и, одновременно, последовательную смену политической активности большинства и меньшинств. Ныне же нам стало понятно, что явления, которые я называл «этнополитическим маятником» в нулевые годы, оказались не столь уж циклическими (маятниковыми), а возможности объяснения их с использованием строгой модели маятника весьма ограничены. Именно поэтому второй раздел данной книги написан в жанре конкретного исторического анализа, а не политологического обобщения, нуждающегося в моделировании, и сосредоточен на анализе содержания тех радикальных, беспрецедентных для мировой истории колебаний в национальной политике, которые проявлялись в разные периоды истории Советского Союза и постсоветской России.

²⁷ Авторханов А. Г. Империя кремля. Советский тип колониализма. Garmisch-Partenkirchen: Prometheus, 1998. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/avtorxhanov_imperiya_kremlya_1988__ocr.pdf.

²⁸ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923–1939 / Пер. с англ. О. Р. Щелоковой. М.: РОССПЭН, 2011.

²⁹ Советская национальная политика: идеология и практики 1945–1953. Серия: Документы советской истории / Отв. сост. О. В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 2013. С. 335–339.

³⁰ Паин Э. А. Этнополитический маятник. Ч. IV. С. 195–261.

³¹ Щербак А. Н., Болячевец Л. С., Платонова Е. С. История советской национальной политики: колебания маятника? // Политическая наука. 2016. № 1. С. 101–122.

³² Щербак А. Н. и др. Влияние внешней политики на национальную политику СССР // Политика. 2017. № 3 (86). С. 99–116.

Трудно сказать, насколько исторический жанр удался автору, но в этой части книги мы попытались привлечь новый материал об истории национальной политики СССР и постсоветской России. Эти новые исследования указывают на более сложный, чем казалось ранее, характер перемен в советской и постсоветской политике федерализации и в государственных стратегиях по отношению к меньшинствам; по-новому в нынешней работе оценивается и политика послевоенного государственного антисемитизма (1948–1953), а также особенности этнонациональной политики периодов Хрущева, Брежнева, Ельцина и Путина. Все это привело нас к мысли о том, что «этнополитический маятник» – это не столько исследовательская модель, сколько метафора, обозначающая периоды значительных колебаний в национальной политике и, шире, в этнополитических процессах, природа которых еще требует уточнения. Поэтому одна из основных научных задач данной работы как раз и состоит в том, чтобы проанализировать конкретные и изменяющиеся механизмы таких колебаний в истории СССР и постсоветской России, прежде всего по отношению к центральному для составных государств вопросу – вопросу о поддержании или разрушении (как осмысленном, так и неосмысленном, «нечаянном») целостности государства, а также об отношении к государственной политике поддержки меньшинств и к федерализму. Недостаточная информативность объяснений этой специфики на основе политологических обобщений привела нас к идее соединения политологического анализа с историческим анализом конкретных событий.

Управления этнополитическими процессами как научная проблема

Проблема управления этнополитическими процессами в той или иной форме затрагивается во всех трех частях монографии, но третья часть сфокусирована на обобщении особого направления в исследованиях автора, связанного с анализом эволюции моделей управления межэтническими и межконфессиональными отношениями³³. Особое внимание в этом разделе уделено современной проблематике государственного управления. Анализ основных документов государственного управления в сфере этнополитики, прежде всего «Стратегии государственной национальной политики до 2025 года», показывает, что усилия по укреплению властной вертикали неорганично сочетаются с задачами формирования гражданских горизонтальных отношений. Идея становления политической нации (русской нации) пока плохо соотносится с ее сугубо этническими трактовками, традиционными для России, которые явно преобладают даже в новейших документах государственного стратегического планирования. Неорганично соединены в Стратегии три принципиально разных теоретических принципа. Гражданский принцип, предполагающий «упрочение общероссийского гражданского самосознания», равноположен принципу мультикультурализма, т. е. принципу «сохранения и развития этнокультурного многообразия народов России». Оба они соседствуют с цивилизационными схемами, представленными концепцией «особой роли» русского народа в создании Российского государства, идеями «единого культурного (цивилизационного) кода» и особой духовности. При сравнении двух документов – Концепции государственной национальной политики 1996 года и Стратегии 2012 года – видно сужение предметного поля национальной политики. Вопрос о федерализме, ключевой для «национальной политики» 1990-х годов, существенно меньше представлен в новой Стратегии.

Основной пафос раздела «Управление» в данной книге состоит в демонстрации несоответствия между сложившимися к началу XXI века этнополитическими тенденциями в Рос-

³³ Паин Э. Управление культурным разнообразием в городах: новая парадигма в регулировании этнополитических отношений в России // Государственная служба. 2016. Ноябрь–декабрь. № 106. С. 66–73; Паин Э., Федюшин С. Нация и демократия. Перспективы управления культурным разнообразием; Pain E. Regional and National Diversity as a Factor of Public Administration Theory Development: Problem Statement // Public Administration Issues. 2015. Special issue. P. 34–49; и др.

сии (они все больше напоминают тенденции, характерные для стран «глобального Севера») и сохранением во многом советских черт этнонациональной политики. Большая же часть раздела посвящена анализу возможности применения в России новой для нашей страны модели управления культурным разнообразием («интеркультурализма»), опорой для которой могут стать существующие, но малоизученные механизмы самоорганизации территориальных сообществ, прежде всего городских.

Особенности методологического подхода автора

С середины XX века содержание и динамика современных этнополитических процессов чаще всего рассматривались в политологии в рамках теории модернизации и вытекающей из нее концепции политического транзита. На основе теории модернизации развивались исследования проблемы *nation building* («строительства нации» или «национального строительства»), понимаемые прежде всего как процесс совершенствования взаимоотношений государства и общества, развития горизонтальных связей между этническими общностями и формирования у них определенных форм ценностного единства в рамках одной полиэтнической страны.

Именно в понятийном аппарате модернистских концепций национальной политики особое внимание уделяется различению понятий «этничность» и «нация». Первое из них рассматривается как продукт *социально-культурной эволюции* этнических общностей, главным образом развития отношений, связанных с формированием и осознанием социальной границы между «мы» и «они»³⁴. Подобный подход отразил Томас Х. Эриксен в своем определении: «Этничность – аспект социального взаимодействия между людьми, считающими себя культурно отличными от других групп»³⁵. Еще большее внимание модернизм уделял исследованию наций и национализма. В таких теориях нация рассматривается как результат исторической эволюции *социально-политических отношений между обществом и государством*, как продукт исторической эволюции организации социума: от имперского типа – к национальному. При этом мы рассматриваем и альтернативные подходы, оспаривающие целесообразность использования дихотомии «империя – нация», оставаясь в рамках модернистского подхода к осмыслению нации.

1970–1980-е годы стали временем критики модернистского подхода, по крайней мере той его версии, которая предполагала последовательно-линейное, исключительно «прогрессивное» развитие. В эти годы были выявлены существенные ограничения такого взгляда на развитие общества, в том числе применительно к этническим процессам. Во-первых, такие процессы подвержены волновым колебаниям (флуктуациям), и вся мировая история представляет собой череду разделительных и объединительных тенденций, сменяющих друг друга во взаимоотношениях разных племен, народов, языковых групп и религий. Во-вторых, наряду с универсальностью (основным предметом модернистских концепций) в этничности сохраняются некоторые устойчивые культурные особенности этносов. Этнические языки сохранялись веками, а самоназвания народов (этнонимы) прослеживаются иногда на протяжении тысячелетий. Исторически устойчивыми могли быть и специфические термины, обозначающие этнически «чужих» или людей своей национальности, но воспитанных в иной этнической культуре. Таковы, например, термины «гой» у евреев и «гаджо» – у цыган. Многие десятилетия могут удерживаться этнические стереотипы, при этом стандартные описания своего народа обычно позитивные, а стереотипные описания, образы других народов чаще бывают негативными, граничащими с фобиями³⁶.

³⁴ См.: *Ethnic Groups and Boundaries* / F. Barth ed. Bergen, 1969; см. также: Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. С. 56.

³⁵ Eriksen T. *Ethnicity and Nationalism. Anthropological Perspectives*. London, 1993. P. 12.

³⁶ См.: Паин Э. Динамика ксенофобии в эпоху популизма: опыт макросоциального анализа // Вестник общественного

С давних времен эволюционному, модернистскому подходу в этнологии, акцентирующему внимание на общих закономерностях развития культуры, противостоит антропогеографический, локально-цивилизационный подход, подчеркивающий своеобразие и разнообразие локальных культур и цивилизаций, – это концепции Фридриха Ратцеля, Николая Данилевского, Освальда Шпенглера, Арнольда Тойнби, Клода Леви-Стросса и др. Впрочем, в конце 1990-х – начале 2000-х годов проявились попытки объединить оба подхода.

Одна из наиболее плодотворных попыток синтеза принадлежит выдающемуся израильскому философу Шмуэлю Эйзенштадту, обосновавшему идею объединения двух подходов в своей теоретической концепции *множественной современности* (*multiple modernities*)³⁷. В этом отношении также заслуживает внимания и концепция *неомодернизма*, сложившаяся на рубеже XX–XXI веков в философии и социологии. Наиболее последовательно и убедительно она изложена в трудах Ральфа Дарендорфа, Эдварда Тирикьяна, Петра Штомпки и др.³⁸ Эта концепция признает многообразие форм культуры и допускает некоторые различия траекторий культурной и политической трансформации, что позволяет выйти за рамки сугубо эволюционных, однолинейных подходов к модернизации. Неомодернизм дает возможность объединить универалистский взгляд на этнополитическое развитие с идеями локальных особенностей этнических и национальных культур.

С теорией неомодернизма хорошо согласуются и синтетическая концепция нации Э. Смита, а также плюралистическая концепция этничности, которой придерживается автор данной книги.

Итак, ниже будет высказана авторская позиция о роли этнических и национальных факторов в политическом развитии России, с опорой на методологию синтетического (плюралистического, полипарадигмального) подхода к изучению этнических и национальных процессов.

Применительно к данной работе суть плюралистического подхода, пронизывающего все три части книги (теоретическую, историческую и прикладную), выражается в попытке выявить взаимодополнительность в концептуальных парадигмах, рождавшихся в ходе научной и идейной конкуренции и изначально считавшихся взаимоисключающими. Речь идет о взаимодополнительности стадийно-эволюционного и локально-географического подходов, идеи прогресса и ценности традиций, конструктивистской и примордиалистской парадигм в исследованиях этничности и наций. Наконец, в монографии уделяется внимание не столько различиям между элитарными идеями и массовыми стереотипами, сколько взаимосвязи между ними.

Проверка гипотезы о продуктивности плюралистического подхода является важнейшей научной задачей настоящей работы. Такая верификация предполагает два вида сравнительного анализа этнополитических процессов: *стадийного анализа*, предполагающего сравнение разных периодов советской и постсоветской истории России, и *синхронного, регионального анализа*, связанного с выявлением различий в проявлениях этнополитических процессов в разных регионах Советского Союза и постсоветской России.

Я выражаю благодарность моим коллегам, помогавшим мне советами в работе над этой книгой и в профессиональной деятельности (Л. М. Дробижевой, О. И. Вендиной, В. А. Михайлову, В. И. Мукомелю, И. М. Клямкину и др.), но наибольшую – Сергею Федюнину, доктору

мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2018. Т. 127. № 3–4. С. 19–23.

³⁷ Eisenstadt Sh. N. Some Observations on Multiple Modernities // *Reflections on Multiple Modernities: European, Chinese and Other Interpretations* / D. Sachsenmaier, Sh. N. Eisenstadt, J. Riedel. BRILL, 2002. P. 27.

³⁸ Tiryakian E. A. On the significance of de-differentiation // *Macro-sociological Theory* / Shmuel N. Eisenstadt, H. J. Hecke (eds). Beverly Hills: Sage 1985; Dahrendorf R. *Reflections on the Revolution in Europe*. London: Chatto & Windus, 1990; Sztompka P. *Agency and progress: the idea of progress and changing theories of change* // *Rethinking Progress* / J. Alexander, P. Sztompka (eds). London: Unwin Hyman, 1990.

политологии, преподавателю университета Сорбонна (Париж), моему ученику в НИУ-ВШЭ, соавтору совместных публикаций, самому внимательному и строгому критику моих сочинений. А еще я благодарю моих студентов, которые многие годы были не только слушателями и «получателями» информации от меня, но и во многом моими учителями.

ТЕОРИЯ

Эволюция этнополитологических концепций

1. Политический контекст генезиса этнологических терминов и понятий

Термины (слова) «нация» (от лат. *natio* – племя, народ) и «этнос» (греч. *ἔθνος* – народ) на разных языках означают одно и то же: народ. Однако суть понятий *нация* и *этнос* исторически различалась как в научной традиции, так и в государственном управлении. В России оба термина (и производные от них) появились примерно в одно время, в конце XVIII – начале XIX века, но политическое отношение к ним всегда было разным. В какие-то времена сильные мира сего хотели изгнать из языка термин «нация», а в другие – ополчались на термин «этнос». В различные эпохи, особенно в советские и постсоветские времена, радикально изменялось и содержание основных этнологических понятий. В Советском Союзе почти все явления, которые ныне в российской академической науке определяют понятиями, восходящими к термину «этнос» (*этнические* – языки, идентичности, традиции, *межэтнические* – конфликты, противоречия, отношения и др.), определялись с помощью дефиниций, использующих слово «нация» (*национальный язык, национальное самосознание, межнациональные отношения* и др.). Если в научной, прежде всего в академической литературе современной России переход от советского дискурса к постсоветскому уже произошел, то в государственных документах преобладает эклектика и сохраняется путаница в использовании терминов «национальность» и «этничность». Даже в основном документе государственной национальной политики («Стратегия государственной национальной политики России до 2025 года») понятия *межэтнические* и *межнациональные отношения* используются как тождественные.

Нам предстоит разобраться в этом переплетении используемых терминов и трактовок – и стоящих за ними понятий, – чтобы разглядеть в их исторической динамике важные изменения не только в научных, но и в политических представлениях.

Политические и этнические нации: терминологические модели

Известное с античных времен, понятие «нация» – как и термин, слово, обозначающее это понятие, – имеет поучительную историю. В аналитических целях и с очевидными упрощениями мы выделим четыре историко-культурные модели этого понятия. Все они и по сей день сохраняют свое значение, пусть и в разной мере.

Античная традиция. В Древнем Риме этот термин первоначально имел презрительную коннотацию и применялся для определения *варварских (чужих)* племен (народов), которые говорили на непонятных римлянам языках и вели непривычный образ жизни. Для обозначения римского народа использовался другой термин – *Populus Romanus*. Когда же германские племена, которых римляне называли варварами, покорили Рим, в название своей империи они ввели термин «нация» уже без его презрительного оттенка: «Священная Римская империя германской нации». Под *нацией* в этом случае понимались народы, объединяемые представлением об общем происхождении, языке и культурных традициях. В наше время такой тип определения называли бы этнокультурным. Несколько веков, вплоть до Великой французской революции XVIII века, это определение сохраняло свое ведущее значение в науке.

Французская гражданская модель политической нации. Французские просветители предложили принципиально новое понятие *нации как народа-суверена, полновластных граждан единого государства*, выступая за передачу суверенитета (верховой власти) от монарха к народу (*la nation*). В соответствии с Декларацией прав человека и гражданина (1789) *народ-суверен* (нация) имеет свое представительство в виде национального (народного) собрания, в котором от имени нации, а не монарха провозглашаются и гарантируются права каждого француза – человека и гражданина. На такой основе сложилась идея «народного суверенитета» и опирающаяся на нее французская модель политической нации. Что касается культурного единства народа – общности его языка, обычаев и традиций, – то оно обозначалось во Франции, по крайней мере с конца XIX века, другим термином, производным от слова «этнос»: *этнографическое единство*. Эрнест Ренан в своей знаменитой лекции «Что такое нация?» (1882) называл «глубоким заблуждением» смешение «этнографии» и «нации». По его мнению, «этнографический фактор не играл никакой роли при образовании современных наций»³⁹, поскольку нация во Франции сформировалась из смешения разных этнических групп.

Французская модель политической нации была принята уже в XVIII веке в США и отразилась в американской Конституции. Такая же модель была воспроизведена и в Швейцарии, первой в мире полиэтнической федеративной республике. Согласно Конституции Гельветической республики 1798 года, единой нацией стали называть всех граждан федеративной республики, несмотря на различия основного языка того или иного кантона (немецкого, французского или итальянского) и особенностей их вероисповедания (преимущественно протестантского в германских кантонах и католического – в остальных).

Английская этатистская модель политической нации. Нелегко определить время и модель формирования английской нации. Л. Гринфельд считает, что идея нации появилась в Англии еще в XVI веке, и, по ее мнению, английская политическая нация была первой в мире⁴⁰. Это утверждение останется истинным и в том случае, если начало идеи нации отнести к XVII веку, поскольку в 1670-х годах в сочинениях Томаса Гоббса, бесспорно, появилась та трактовка слова «народ», какую впоследствии (в 1755 году) мы находим в толковом словаре английского языка в толковании термина «нация»: «жители одной страны, подданные одной власти». Такой тип нации можно назвать *этатистским*, понимая под этатизмом государственничество (от фр. *état* – государство) – мировоззрение, абсолютизирующее роль государственной власти в политической системе, признающее нормой его доминирование по отношению к обществу.

Большинство исследователей начинают отсчет «эры политической нации» не с XVI–XVII веков, а со времен Французской революции конца XVIII века, поскольку в этот период появилось представление о нации как о сообществе свободных граждан и народе-суверене. Парадигма гражданской самоопределяющейся нации, имеющей в политической системе приоритет по отношению к власти, со временем стала доминирующей и в Великобритании, но позже, чем во Франции и США, с середины XIX века, после того как проявился важнейший признак народного суверенитета – британское правительство стало подотчетным палате общин, народной, нижней палате парламента⁴¹.

Германская этническая модель нации. Итак, французская гражданская и английская этатистская были, при всех различиях, политическими нациями, определяемыми как *народ единого государства, подчиняющийся его законам*. Совершенно иная трактовка нации утверждалась на территории Германии. Единого немецкого государства не существовало до 1871 года, и уже поэтому в многочисленных германских княжествах использовалось более древнее, *этно-*

³⁹ Ренан Э. Что такое нация? Доклад, прочитанный в Сорбонне 11 марта 1882 года. URL: http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php.

⁴⁰ Greenfield L. Nationalism: Five Roads to Modernity. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992. P. 14.

⁴¹ Айзенштадт М. П. Власть и общество Британии, 1750–1850 гг. М., 2009.

культурное определение нации. При такой трактовке немцам не было нужды вводить, как во Франции, дополнительное понятие «этнос». В конце XVIII века важнейшим признаком немецкого понимания нации стал мистический *народный дух* (*Volksgeist*), якобы извечно присущий потомкам германских племен и обоснованный философом Иоганном Гердером. Его философия использовалась в качестве идейных предпосылок для развития этнического национализма – движения, добивавшегося объединения этнической немецкой нации в едином государстве Германия.

В начале XX века Фридрихом Мейнеке была предложена теоретическая классификация наций на основе анализа опыта разных стран и впервые было сформулировано различие между *культурными нациями* (*Kulturnationen*), т. е. народами, связанными только общей этнической культурой (ныне такой феномен называли бы *этносом* или *этнической группой*) и *государственно-политическими нациями* (*Staatsnationen*), народами, объединенными общим государством и его законами⁴². Политическая трактовка наций становится нормативной, хотя, как мы еще покажем, в любой нации проявляются и какие-то этнические элементы, обычно унаследованные из прошлого.

Сугубо культурная (не политическая) трактовка нации долго сохранялась в Германии и под немецким влиянием распространилась в европейских странах к востоку от нее, хотя в России политическая модель была известна до утверждения в ней этнической германской модели.

«Официальная народность»: особенности этнонациональной терминологии в Российской империи

В конце XVIII века франкоязычное российское дворянство познакомилось с французской моделью нации и во многом приняло ее содержание спустя всего лишь несколько лет после обнародования во Франции. Из Декларации прав человека и гражданина (1789) российское дворянство выдернуло прежде всего право нации, понимаемое так, что образованное сообщество имеет право на свое представительство в виде национального (народного собрания), от имени которого провозглашается Конституция как система кодифицированных прав. Эту идею нации отстаивали в России дворянские революционеры, требовавшие ограничения самодержавия и названные позднее «декабристами». Декабристов, как защитников идей конституционной монархии, так и апологетов республиканского строя, некоторые исследователи определяют как первых националистов в России⁴³. В такой же гражданской трактовке идею нации использовал в 1797 году наследник престола, будущий император Александр I, заявляя, что, став царем, дарует России Конституцию и «нация изберет своих представителей»⁴⁴. М. Сперанский, сподвижник царя-либерала, использовал идею нации в своем Конституционном проекте 1818 года.

Однако между 1790 и 1830 годами в России произошли такие политические события, которые радикально изменили отношение элит к сущности нации и к самому этому термину. Если Александр I восходил на престол с мыслью даровать конституцию «сверху», чтобы избежать революции «снизу», то его преемник Николай I начал свое царствование с подавления той самой революции, которую хотел, да не успел упредить его старший брат. При этом восставшие декабристы требовали Конституции, провозглашения суверенитета нации и ее представи-

⁴² Meinecke Fr. *Weltbürgertum und Nationalstaat: Studien zur Genesis des deutschen Nationalstaates*. München; Berlin, 1911. S. 2–3.

⁴³ Сергеев С. Восстановление свободы. Демократический национализм декабристов // Вопросы национализма. 2010. № 2. С. 78–118.

⁴⁴ Паин Э. А. Имперский национализм: возникновение, эволюция и политические перспективы в России // Общественные науки и современность. 2015. № 2. С. 55.

тельства. Принятие этих требований казенных бунтовщиков было немыслимым для нового императора. Историк А. Миллер отмечает:

После восстания декабристов и польского восстания 1830–1831 годов прежний дискурс о нации и национальном представительстве как желанной, хотя и труднодостижимой цели, сменился в позиции официальных кругов отрицанием конституции и национального представительства как неуместных для России в принципе⁴⁵.

С этого времени сам термин «нация» подвергался цензуре прежде всего потому, что он неразрывно связывался в сознании читающей публики с национальным (народным) суверенитетом и представительством. Одним из важнейших средств умерщвления этого термина стала его замена и вытеснение другими, квазиподобными. В 1833 году при вступлении в должность министра просвещения С. Уваров предложил формулу, ставшую знаменитой: Православие, Самодержавие, Народность. По его замыслу, эта триада должна была выступать заслоном на пути европейского свободомыслия и антитезой другой триаде – «Свобода, Равенство, Братство», базовым идеям Французской революции, которые, по мнению российских консерваторов указанного времени, органично неприемлемы для русского народа.

Уваров, выпускник немецкого Геттингенского университета, наполнил русское слово «народность» немецкой идеей «народного духа» как извечного свойства народа. Русский народный дух, как и немецкий *Volksgeist*, мыслился как противоположный французским чертам – «ветрености» и «вольнодумству». Впоследствии в Германии такая концепция получила название *Deutscher Sonderweg*, а в России – «особый путь». В концепции Уварова «особый путь» России читался как «исконно русские начала», важнейшими из которых министр назвал православие русского народа и его преданность самодержавию, готовность подчиняться своему царю как «отцу народа». Фактически речь шла о раболепии как якобы неизменном качестве русского народа, которое должно было внушаться, укрепляться и воспитываться усилиями «народного просвещения», вверенного попечительству С. Уварова. Предложенная им государственная идеология получила в просвещенном российском обществе нелестное название «официальная народность» и была критически встречена не только либералом-западником П. Чаадаевым, но и консерватором-славянофилом С. Аксаковым, назвавшим такую народность «форменной» и «казенной»⁴⁶.

Слово «народность» плохо приживалось в политическом языке империи, поэтому в эпоху следующего императора Александра II продолжались поиски альтернатив как термину «народность», так и крамольному слову «нация». Министр внутренних дел граф П. Валуев обосновывал перед царем необходимость сохранения термина «нация» при изменении его содержания (понятия) с политической трактовки на сугубо культурную и фольклорную, отражающую специфику языка и обычаев того или иного народа. Он же первым стал использовать и производное от слова «нация» понятие *национальность* как принадлежность подданных Российской империи к культурной нации (*Kulturnation*). Валуев, в молодости бывший писателем, еще в конце 1830-х годов в своем философском эссе «Мысли о национальности» обосновывал необходимость замены понятия *нация* (*la nation*) как сугубо политической категории понятием *национальность* (*la nationalité*) как сугубо фольклорным, отражающим специфику культуры и обычаев народа⁴⁷.

В 1860-х годах Валуев в своих докладах императору ввел в политический оборот еще одно понятие – *национальный вопрос*. Этим термином он обозначал угрозы сепаратизма со сто-

⁴⁵ Миллер А. История понятия «нация» в России // Отечественные записки. 2012. № 1. URL: <https://strana-oz.ru/2012/1/istoriya-ponyatiya-nacii-v-rossii>.

⁴⁶ Паин Э. А. Имперский национализм... С. 56.

⁴⁷ Там же.

роны основных национальностей Царства Польского и Малороссии (ныне Украины), а также литовцев⁴⁸. С каждым последующим десятилетием российской истории национальная проблематика все больше обретала этническую окраску и при этом трактовалась с позиций эссенциализма как некий набор природных свойств, фатально присущих тому или иному народу (этнической нации). С конца 1890-х годов российские славянофилы в споре со своими оппонентами западниками стали активно развивать идею Уварова о принципиальных и навеки предопределенных различиях между русским народом и нациями Запада. По мнению славянофилов, «русский народ навсегда отказался от бремени народного представительства в пользу самодержавной монархии»⁴⁹. При этом славянофилы 1890-х годов отказались от наследия своих предшественников – славянофилов середины XIX века (К. и И. Аксаковых, А. Кошелева, Ю. Самарина и др.), которые проявляли оппозиционность к доктрине «официальной народности», считали ее удушающей творческое начало («душевредным деспотизмом», «угнетательской системой»). Поздние же славянофилы конца 1890-х – начала 1990-х годов (Н. Данилевский, К. Леонтьев, В. Розанов и др.) активно развивали идеи особого пути России. Именно эта когорта славянофилов стала противопоставлять особенности национального характера русских (терпимость, жажду истины, спонтанность, сердечность, душевность, великодушие, соборность как склонность принимать решения коллективно) обобщенному образу западного менталитета, которому якобы всегда присущи эгоизм, жадность, лживость, холодная расчетливость. Поздние славянофилы поставили на службу сохранения самодержавия и имперской власти концепцию нации как этнического явления, навсегда приросшего к телу русского народа. Из кругов поздних славянофилов выросло и то идеологическое течение, которое стало именовать себя «русские националисты».

Итак, идея нации появилась в России в конце XVIII века, отражая присущие просвещенной части общества ожидания революционных перемен. Ее первых защитников, например декабристов, выдвигавших эту идею как источник конституционного порядка, можно было бы на этом основании назвать гражданскими националистами. Однако если первые русские «националисты» отстаивали ценности народного представительства, то к началу XX века национализм выродился в одну из самых реакционных политических сил, защищающих самодержавие, имперское устройство России, этническое, религиозное и социальное неравенство ее жителей.

С конца XIX века слова «нация» и «национальность» прижились в русском языке, хотя использование этих терминов в государственном управлении Российской империи было весьма ограниченным: до 1917 года основной характеристикой населения при его учете в переписях, налоговых документах, судебных разбирательствах, при призыве в армию и в других случаях служила не национальность подданных государя, а их вероисповедание.

Советская трактовка наций, национальностей и этноса

Совсем иную роль понятия «нация» и производное от него «национальность» стали играть в Советском Союзе. Здесь они приобрели чрезвычайную и даже чрезмерную значимость.

«Пятый пункт»

В начале 1930-х годов началась паспортизация населения, завершившаяся лишь к 1941 году. В каждом паспорте обязательно и принудительно должностным лицом указывалась наци-

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

ональность человека, исходя из национальной принадлежности родителей и национальных же (сейчас бы сказали «этнических») особенностей фамилии гражданина. Аскриптивный (предписанный) статус национальности обязывал милицию проверять все случаи несовпадения фамилии с национальностью, которую декларирует гражданин в паспорте, поэтому человек с характерной нерусской фамилией (например, Каганович, Микоян или Пельше) не мог записаться как русский. Гражданину СССР предписывалось указывать свою национальность в многочисленных официальных анкетах не только при приеме на работу или призыве в армию, но даже при поселении в гостиницу или записи в библиотеку. Графа «национальность» стояла пятой в анкете (после фамилии, имени, отчества и социального положения), и уже само ее место в анкете указывало на важность этой характеристики советского человека. Открытое указание национальности человека в документе повседневного пользования создавало возможности для дискриминации по отношению к гражданам разных национальностей, как скрытой, основанной на личных этнических предубеждениях какого-либо должностного лица (от милиционера до администратора в гостинице), так и открытой, например по отношению к народам, подвергшимся депортации (насильственному переселению) в 1930–1940-х годах, к евреям в период политики государственного антисемитизма 1938–1953 годов⁵⁰, к китайцам в условиях ухудшения советско-китайских отношений в 1960–1970-х годах, а также во многих других случаях. Лишь с 1974 года власти разрешили указывать национальность в паспорте на основании выбора самого владельца документа, но на практике этот выбор был ограничен национальностью одного из родителей гражданина. Невозможно было записать в паспорте национальность, отсутствующую в официально утвержденном перечне. Например, нельзя было записаться ассирийцем, казаком или помором. С 1991 года указание национальности в паспортах граждан и иных документах Российской Федерации отменено.

Понятие «национальность» в СССР означало принадлежность человека к той или иной нации, а она, в свою очередь, определялась на протяжении всего советского периода в том виде, как эту дефиницию сформулировал И. В. Сталин еще в 1913 году в своей работе «Марксизм и национальный вопрос». В ней сказано:

Нация – это исторически устойчивая общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры⁵¹.

Брошюра была написана Сталиным в Вене, где он находился в эмиграции. Изложенная в ней концепция нации возникла под сильным влиянием австрийских марксистов К. Каутского и О. Бауэра и, как доказал советский этнолог Ю. И. Семенов еще в 1966 году, была плагиатом из их сочинений⁵². Так или иначе, сталинская концепция отражала традиционный австро-немецкий подход к нации как исключительно этнокультурной общности, что совпадало и с российской традицией, продолжающей идеи уваровской «официальной народности». Такой признак нации в ее сталинской трактовке, как «общность психического склада», столь же мистический, непроверяемый и неизмеряемый, как «народный дух», предложенный Гердером тремя веками ранее, и как «исконно русские начала» Уварова, открывал простор для господства в государственной национальной политике стереотипов и предрассудков о неизменных и тотально всеобщих национальных свойствах, позволявших возлагать коллективную ответственность на всю национальную общность за деяния (в том числе и мнимые) каких-то отдельных персон или групп. На такой основе принимались решения об этнических чистках в период Кавказской

⁵⁰ Костырченко Г. В. Государственный антисемитизм СССР. От начала до кульминации, 1938–1953. М.: МДФ, 2005.

⁵¹ Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1938. С. 6.

⁵² Семенов Ю. И. Из истории теоретической разработки В. И. Лениным национального вопроса // Народы Азии и Африки. 1966. № 4. С. 106–129.

войны (1817–1864), а затем строились правовые оправдания для депортации многих народов СССР в 1937–1953 годах.

Советские этнонации были привязаны к национально-территориальному устройству СССР – к союзным и автономным республикам. При этом по Конституции Советского Союза 1936 года нациями считались только русские и народы, давшие название союзным республикам (Армянской ССР, Белорусской ССР, Молдавской ССР и др.), а по Конституции 1977 года статус нации получили также народы, давшие название автономным республикам. По отношению ко всем прочим общностям использовался термин «народность», позаимствованный у С. Уварова⁵³. Элиты этнических групп, числящихся народностями, десятилетиями добивались для них статуса наций. Такой политико-символический подход к оценке понятия «нация» сохраняется до сих пор у многих политиков в республиках России.

«Единая историческая общность – советский народ» и возрождение термина «этнос»

Уже в 1950-х годах в государственном управлении возникла потребность в определении политического статуса всего народа Советского Союза, который не поддавался описанию только в сугубо этнических терминах. В связи с этим в 1961 году руководитель Советского государства и коммунистической партии Н. С. Хрущев дал в новой программе КПСС такое определение:

В СССР сложилась новая историческая общность людей различных национальностей, имеющих общие характерные черты, – советский народ⁵⁴.

В октябре 1977 года Л. И. Брежнев, хотя и старавшийся во всем подчеркнуть новизну своих решений по сравнению с хрущевскими временами, включил тем не менее в Конституцию СССР все хрущевское словосочетание «новая историческая общность людей – советский народ»⁵⁵. Фактически эта конституционная норма подводила общество к признанию граждан государства в качестве *политической нации*. Важный шаг в этом направлении был сделан в постсоветской России – в 2012 году была утверждена «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», а в ней дано следующее определение:

Многонациональный народ Российской Федерации (российская нация) – сообщество свободных равноправных граждан Российской Федерации различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, обладающих гражданским самосознанием⁵⁶.

Впервые в государственном документе России дано определение политической нации, хотя термин «российская нация» стоит вторым, в скобках и как синоним сугубо этнической трактовки «многонациональный народ». Этот компромисс между новым и старым значениями обусловлен прежде всего сохранением в сознании этнических элит в республиках Российской Федерации восприятия понятия *нации* как политического статуса, доказательства значимости той или иной республики и величия ее народа. Принятое в Стратегии понятие «нация», без-

⁵³ Дробизева Л. М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. С. 39.

⁵⁴ Хрущев Н. С. О Программе Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1961. С. 10.

⁵⁵ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.). URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/.

⁵⁶ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утверждена Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70184810>.

условно, носит временный характер. «Нация многонационального народа» – такая тавтология возможна только в идеологических документах, тогда как реальная практика государственного управления неизбежно потребует большей определенности и различения политического понятия «нация» и социокультурных понятий «этнос», «этническая группа», «этничность», «межэтнические отношения».

Слова «этнос» и производное от него «этнография» (наука, изучающая этнические общности) были известны в Российской империи примерно с тех же времен, что и слово «нация». Во всяком случае, термин «этнография» использовался в государственном управлении уже в первой половине XIX века. Императорским указом в 1845 году было образовано Русское географическое общество с отделением этнографии. В СССР в 1930-х годах государством был создан специализированный Институт этнографии АН СССР, смысл которого власти видели главным образом в изучении народов, не достигших стадии нации. Впрочем, к науке этнографии советское партийно-идеологическое начальство относилось, с одной стороны, без большого интереса, а с другой – с определенным недоверием, подозревая ее в ревизии постулатов исторического материализма и сталинской теории нации⁵⁷.

Во времена, когда понятие «нация» воспринималось исключительно в этнической трактовке, не было смысла вводить в советскую государственную науку и идеологию особый термин «этнос». К тому же первое определение этноса было сформулировано в 1923 году эмигрантом С. М. Широкогоровым и вступало в явное противоречие со сталинским определением нации, поскольку под этносом (а не нацией) понималась

группа людей, говорящих на одном языке, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традиций и отличаемых ею от таковых других групп⁵⁸.

Это определение принадлежало человеку, который считался буржуазным ученым-белоэмигрантом, и уже из-за этого клейма многие годы оставалось недоступным советским читателям.

В 1980-х годах уровень идеологически дозволенного в СССР существенно расширился, и этнографы получили возможность заходить в такие предметные области, которые раньше были для них запретными, поскольку считались заповедниками других научных дисциплин – исторического материализма и научного коммунизма, включавших в себя сталинскую теорию нации. Кроме того, переход к неэтнической трактовке советского народа как исторической общности (почти нации) сделал необходимым как-то определять сугубо этнические характеристики советских людей – различие их языков и культурных традиций. Такое переосмысление начал директор Института этнографии и антропологии АН СССР академик Юлиан Владимирович Бромлей (1921–1990).

Ю. В. Бромлей первым в стране реабилитировал понятие «этнос», предложив его определение, близкое тому, которое дал Широкогоров в 1920-х:

Этнос может быть определен как исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этнониме)⁵⁹.

⁵⁷ Чешко С. В. От советской этнографии к российской этнологии // Этнологическое обозрение. 2002. № 2. С. 8–10.

⁵⁸ Широкогоров С. М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923. С. 13 (Известия восточного факультета Дальневосточного университета. Вып. XVIII. Т. 1).

⁵⁹ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. С. 58.

Попробуйте отличить это определение этноса от сталинского определения нации, и вы увидите, что в трактовке академика понятию «этнос» не хватает только одного признака («общая экономическая жизнь»), чтобы полностью слиться с понятием «нация» в его сталинской версии.

Прошло еще одно десятилетие, прежде чем советские понятия-близнецы «нация» и «этнос» начали движение в разные смысловые стороны, занимая постепенно свои особые предметные ниши, те, которые наметили еще Э. Ренан и Ф. Мейнеке, – *политическую для нации и культурную для этноса*. При этом в науке происходило уточнение и разъяснение обоих понятий.

В конце 1980-х годов, в период перестройки в СССР, стал налаживаться международный научный обмен в гуманитарных сферах знания. В это время советские обществоведы познакомились с работами выдающегося британского социолога, теоретика этносимволизма Энтони Смита, давшего в 1986 году следующее определение этнической общности:

Ethnie (это авторский термин, близкий русскому «этнос». – Э. П.) – общность людей, имеющая имя, разделяющая мифы о предках, имеющая совместную историю и культуру, ассоциированная со специфической территорией и обладающая чувством солидарности⁶⁰.

Значимость такого определения в том, что оно на первое место выводит не объективистские характеристики этноса (язык, традиции, стереотипы поведения), а самосознание групп, их идентичность, проявляющуюся в самоназваниях и представлениях людей об общем происхождении, которое всегда носит легендарный, мифологический характер. Это, по сути, новый конструктивистский подход к теории этноса и нации, хотя Э. Смита к числу теоретиков конструктивизма обычно не относят, но все подобные классификации весьма ограничены и упрощены.

Терминологические дискуссии в постсоветской этнологии

В 1990-х годах в российской этнографии, которая в это время чаще стала называться *этнологией*, укреплялись идеи новой методологии – конструктивизма, сосредоточенного на анализе этнической идентичности и ее социально-психологического конструирования на основе дискурсивных (языковых) практик⁶¹. При этом прежний советский теоретический багаж этнографии, основанный на историко-эволюционном подходе, получил название примордиализма, как правило, со стороны его противников, вкладывающих в него сугубо негативную коннотацию. Мы еще вернемся к этой дискуссии в разделе книги, который посвящен анализу взаимосвязи примордиалистского и конструктивистского подходов в этнологии. Пока же я выражу солидарность с позицией М. Ю. Барбашина, следующим образом оценившего указанную терминологическую дискуссию в России: «В конструктивистском понимании примордиализму достается роль „лженаучного“ направления, которая в советское время отводилась генетике и кибернетике». Далее этот автор сравнивает современную критику примордиализма с «упорством, с которым правоверные нападают на еретиков, стремясь их уничтожить или, как минимум, изгнать»⁶². Такому изгнанию в указанные годы подвергся базовый термин этнологии – «этнос».

Сменивший Ю. В. Бромлея новый директор Института этнологии и антропологии РАН (1989–2015) академик В. А. Тишков внес много нового и полезного в теорию этнологии,

⁶⁰ Smith A. D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford: Blackwell, 1986. P. 32.

⁶¹ Дробизева Л. М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. С. 7–8.

⁶² Барбашин М. Ю. Институты и этногенез: институциональное воспроизводство этнической идентичности в локальных сообществах. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та, 2014. С. 45.

прежде всего в утверждении в ней конструктивистской парадигмы. Вместе с тем я не могу согласиться с его предложением использовать термин «этничность» вместо термина «этнос», от которого, по мнению антрополога, стоило отказаться, поскольку

этносы есть умственные конструкции, своего рода «идеальный тип», используемые для систематизации конкретного материала. <...> Они существуют исключительно в умах историков, социологов, этнографов⁶³.

Следом В. А. Тишков провозгласил «реквием по этносу»⁶⁴. Эта идея сразу столкнулась с критикой со стороны известных этнологов⁶⁵. Да и самому Тишкову не удалось обойтись одной лишь *этничностью* при описании в своих работах целостных этнических общностей, имеющих свои самоназвания (этнонимы). Для их обозначения им используется термин *народ*⁶⁶. Между тем этот термин куда менее определенный, чем *этнос* или *народ-этнос*, поскольку имеет десятки разных значений и толкований (народные массы, народность, нация, этнос и др.).

Разные науки выделяют в «народе» свои предметные стороны и обозначают их своими научными терминами: для географов *народ* – это население, для социологов – социум, политологи недавно придумали термин «политикум» (совокупность всех политических сил в обществе), а этнологи почему-то отказываются от своего устоявшегося, цехового термина *этнос*. И как же без него различать внеэтнические формы проявления *народа* (советский народ, россияне, европейцы, американцы) от этнических – русские, татары, якуты и др.? Потеря специфического термина не только ухудшает информационную селективность научного анализа в этнологии, но порой провоцирует у представителей этнических меньшинств подозрения, что намерения этнологических реформаторов политически мотивированы и, например, имеют цель забыть о малых этносах в пользу большого государственного народа.

Итак, до начала 1980-х годов термин «этнос» практически не использовался в СССР, поскольку был «утоплен» в сталинском понятии «нация». В 1980-х годах он был реабилитирован и даже «канонизирован» усилиями академика Ю. В. Бромлея в качестве основного термина в этнографии. Однако в 1990-х от термина «этнос», или «народ-этнос», а заодно и от слова «этнография» в России стали отказываться под влиянием нового руководства академического Института этнографии и антропологии, переименованного в Институт этнологии и антропологии. Почему-то тогда считалось, что слово «этнология» звучит более научно, чем «этнография», в которой есть корень «графия» (от греч. *grapho*), что означает «описание». При таком подходе следовало бы признать астрологию более научной, чем астрономия, географию слить с геологией, а демографию переименовать в демологию. К счастью, такие трансформации не состоялись в действительности, но вот термину «этнос» в процессе революции в Институте этнографии не поздоровилось – он стал заложником борьбы с научным наследием Ю. В. Бромлея, которая велась под знаком торжества нового учения, конструктивизма, над старым, примордиализмом. Но термин «этнос» сопротивлялся изгнанию из языка науки, не случайно он используется, как мы еще покажем, в большинстве учебников политологии, вышедших в 2000-х годах. В нем нуждается и практика государственного управления, прежде всего государственная статистика учета движения населения.

Переписи населения России учитывают не только этническую (национальную) принадлежность граждан, но и количество этнических общностей в целом. В переписи 1989 года зафиксированы 123, а в переписи 2010 года – 193 народа-этноса⁶⁷. Если в советское время

⁶³ Тишков В. А. Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение. 1992. № 1. С. 7–8.

⁶⁴ Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М., 2004.

⁶⁵ Семенов Ю. И. Торопиться с заупокойной молитвой по этносу вряд ли стоит // Философия и общество. 2006. № 2. С. 101.

⁶⁶ Народы и религии мира / Гл. ред. В. А. Тишков. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.

⁶⁷ Бोगоявленский Д. Перепись 2010: этнический срез. URL: <http://yakutiafuture.ru/2016/03/21/dmitrij-bogoyavlenskij->

многоэтничность страны могла характеризоваться шаблонной формулировкой «100 наций и народностей», то в Российской Федерации впору говорить о почти 200 народах в их этническом измерении. Перед переписью 2002 года в методологии учета этнических общностей стали выделять внутри «отдельных» народов их субэтнические группы, получившие название «включенные»⁶⁸. Эта новая терминология – «отдельные» и «включенные» народы – фактически вернула статистический учет к выделяющей *этносы* и *субэтносы* классификации, сложившейся в этнографической науке в 1980-х годах⁶⁹.

Законодательство нуждается в учете народов-этносов как целостных единиц. В 1970-х годах коллективные права были обоснованы французским правоведом К. Васаком в концепции трех поколений прав человека, закрепившейся затем в политической и юридической науке. Среди коллективных прав одним из важнейших считают право этносов и наций на солидарность и самоопределение⁷⁰. Законом «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» к этой категории в официальном перечне отнесены 47 народов-этносов, и отнюдь не как «идеальные типы». По требованиям закона основные признаки этносов (этническое самоопределение членов общности – осознание ими своей *этнической самостоятельности*, а также сохранность традиционного образа жизни) не только должны быть реальными, но и нуждаются в документальном подтверждении со стороны граждан, претендующих на статус полноправных представителей одного из коренных малочисленных народов⁷¹. Включение того или иного народа-этноса в указанный перечень дает гражданам, идентифицирующим себя с данной этнической общностью, не только символические преференции, но и вполне осязаемые материальные выгоды в виде различного рода государственных льгот и отчислений в пользу коренных народов, а также выплат из негосударственных источников для «возмещения ущерба исконной среде обитания от хозяйственной деятельности организаций всех форм собственности»⁷². Все эти нормы соответствуют мировой практике, действующей в Финляндии, Дании, Канаде, США и ряде других стран.

Терминологические дискуссии 1990-х годов оказали неоднозначное влияние как на научную, так и на общественную жизнь России. К числу позитивных следствий относится появление и утверждение в стране конструктивистского мировоззрения и связанное с этим некоторое ослабление тех политических функций, которые возлагались государством на этнонации в советское время, в эпоху могущественной роли графы о национальности («пятого пункта») в государственных анкетах. Вместе с тем в эти годы некоторые научные новации радикализировались и превратились в идеологические догмы, проявил себя «радикальный конструктивизм», выражающийся в идее принципиальной невозможности признания этноса (или этнической группы) в качестве реальности и воспринимающий этничность и этнос только как идеальные конструкции, содержащиеся исключительно в представлениях ученых. Радикальный конструктивизм вызвал справедливую критику в философских и социологических кругах⁷³.

В 2000-х годах в мировой науке стали преобладать новые тенденции: рос плюрализм по отношению к использованию разнообразных терминов и понятий. Эти перемены отражали глубинные изменения в системе теоретических подходов к изучению этнических и националь-

perepis-2010-etnicheskij-srez-2/.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. С. 236.

⁷⁰ Мамут Л. С. Народ в правовом государстве. М., 1999; Миронов О. О. Очерки государственного правозащитника. М., 2009.

⁷¹ Федеральный закон от 6 февраля 2020 г. № 11-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации“ в части установления порядка учета лиц, относящихся к коренным малочисленным народам». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45160>.

⁷² Льготы для коренных малочисленных народов в России // Коммерсантъ-Власть. 2012. 11.06. № 23. С. 19.

⁷³ См. критику философских оснований такого похода: Режабек Е. Радикальный конструктивизм: критический взгляд // Вопросы философии. 2006. № 8. С. 67–77.

ных процессов. Мы вернемся к терминологическим новациям 2000-х годов после рассмотрения (по необходимости краткого) генезиса основных этнополитических концепций.

2. Современные концепции этничности

В 1990-х годах в России сложился канон в классификации современных теоретических представлений об этничности.

В. А. Тишков предложил выделять три теоретических направления: 1) *примордиализм*, который рассматривался как синоним эссенциализма; 2) *конструктивизм* и 3) *инструментализм*. При этом примордиализм оценивался как научная архаика и опасная лженаука, порождающая национализм и расизм, а две другие концепции – как современные и плодотворные⁷⁴. Такая схема и такие оценки стали популярными и воспроизводятся до сих пор во многих российских учебниках этнологии, этносоциологии и этнополитологии⁷⁵.

Признаюсь, и автор какое-то время разделял эту позицию, хотя и выделял при этом умеренно эссенциалистский примордиализм (социально-исторический) и неумеренный, радикальный социально-биологический примордиализм⁷⁶. Однако в 2000-х годах такая классификация в мировой науке стала подвергаться критике, весьма справедливой, на наш взгляд, по следующим причинам. Во-первых, она считается неэтичной, поскольку определение «примордиализм» имеет заведомо негативную коннотацию и используется в качестве оскорбительных оценок научной методологии некоторых известных исследователей, разумеется, без их согласия. Во-вторых, закрепившаяся в российских учебниках и справочниках интерпретация искажала оригинальное содержание концепции примордиализма, которую предложили ее авторы (прежде всего Э. Шилз и К. Гирц). Реальный примордиализм в прочтении этих ученых не имел ничего общего с эссенциализмом, во всяком случае с представлением о кровно-биологическом происхождении этнических групп⁷⁷.

Предлагаемая в данной монографии схема классификации теоретических подходов к этничности и нации близка к той, которую использовал социолог Крейг Калхун, специалист в области теории нации, национализма и этничности.

В структуре своей фундаментальной монографии «Национализм» Калхун выделил разделы «Эссенциализм» и «Конструкция и примордиальность»⁷⁸. Мы воспользовались этой классификацией современных подходов к изучению этничности и нации, но добавили к трем названным еще один методологический подход, условно названный мной «синтетическим» («плюралистический» или «полипарадигмальный»). Мы предложили его, опираясь на идеи Энтони Смита, еще одного классика теории наций и этничности, понимая под синтезом свойства *взаимной дополнительности двух* подходов: примордиализма и конструктивизма⁷⁹.

Преодоление эссенциализма

Эссенциализм (от лат. *essentia* – сущность) – теоретическая установка, приписывающая социальным общностям неизменный набор качеств и свойств, чаще всего связанный с представлениями о сугубо биологическом (кровно-генетическом) происхождении этносов. Среди основных признаков эссенциализма в теории этничности и нации *неизменность и предопре-*

⁷⁴ Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России.

⁷⁵ Ананьина В. Т. Этносоциология: практикум. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 21; Садохин А. П. Этнология: Учебник. М.: Гардарики, 2008. С. 63–65; Тавадов Г. Т. Этнология: Учебник для вузов. М.: Проект, 2002; Тишков В. А., Шабает Ю. П. Этнополитология: политические функции этничности. С. 37–52.

⁷⁶ Паин Э. А. Этнополитический маятник. С. 34.

⁷⁷ Conversi D. Ethnonationalism in the Contemporary World: Walker Connor and the Study of Nationalism. London; New York: Routledge, 2002.

⁷⁸ Калхун К. Национализм / Пер. А. Смирнова. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. С. 5.

⁷⁹ Паин Э. А. Этнополитический маятник. С. 52–53.

деленность сущности народа, как бы его ни называли (нация, народность, этнос и др.). Эта якобы фатальная неизменность выражается в неких эмпирически непроверяемых, постулируемых качествах и свойствах, таких как *народный дух* (он же *германский дух*) по И. Гердеру, *исконно русские начала* по С. Уварову, *психический склад нации* в терминологии О. Бауэра и в сталинской теории нации.

Еще один признак эссенциализма – упрощение (редукция) представлений о сообществе. К. Калхун определяет эссенциализм как мыслительный процесс, направленный на «сведение всего разнообразия населения к какому-то одному признаку, составляющему его главную „сущность“ и наиболее важное свойство»⁸⁰. При этом «своей» этнической группе приписываются, как правило, сугубо положительные свойства: мудрость, смелость, доброта и др., а «чужим» общностям – преимущественно негативные черты: жестокость, хитрость, жадность и др. Такие оценки, будучи закрепленными в народной мифологии, а затем и в литературе, формируют в культуре устойчивые стереотипы самоописания народа. Н. А. Бердяев, анализируя устойчивый миф о германском духе, выделял следующее его важнейшее свойство: «Это – воплощенная германская воля»⁸¹. С. Уваров трактует позитивные «русские начала» также весьма упрощенно: как послушание народа самодержавию и православию⁸². Во всех случаях представления о неизменной сущности имели политические цели и как бы оправдывали политику запрета на обновление и реформирование общества.

Как правило, неизменная «сущность» народа, проявляющаяся в его поведении, обосновывалась либо мистическими представлениями, например волей Бога, либо некими природными началами, в настоящее время чаще всего ролью генетической наследственности.

Объяснение особенностей поведения людей с позиций природно-биологической предопределенности считается одним из основных признаков эссенциализма. Например, И. С. Кон, известный этнолог и социолог, специалист по изучению культуры сексуальности, называет идею природной предопределенности гомосексуализма эссенциализмом, а объяснения этого же явления как обусловленного воспитанием или собственным выбором личности – конструктивизмом. При этом ученый приходит к выводу, что оба подхода не стоит противопоставлять друг другу, поскольку они взаимно дополняют друг друга в объяснении рассматриваемого сложного явления⁸³.

Наконец, важным признаком эссенциализма является его заметная роль в формировании идей *этнонационализма*. Предопределенность лежит в основе таких свойств националистической идеологии, как представление об избранности своего народа и мессианское чувство по отношению к другим народам.

Эссенциализм представляет собой древнейшее представление об этничности, которое «сложилось еще до возникновения этнологии как особой науки, и таких воззрений придерживались мыслители на протяжении нескольких тысячелетий (от Платона до Канта). Развивалось оно и в трудах неокантианцев начала прошлого века, например, неокантианец Бруно Баух считал, что „общность крови является связкой, закрепляющей естественную прочность нации“»⁸⁴. Эссенциалистские установки лежат в основе расистских теорий конца XIX – начала XX века таких авторов, как Ж. де Гобино, Л. Вольтман, Х. С. Чемберлен и др.

⁸⁰ Калхун К. Национализм. С. 53.

⁸¹ Бердяев Н. А. Религия германизма // Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1918. Цит. по эл. версии.

⁸² Вортман Р. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // РОССИЯ / RUSSIA. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. М.: ОГИ, 1999. С. 233–244.

⁸³ Кон И. С. Конструктивизм и эссенциализм – ложная альтернатива. URL: <https://pseudology.org/kon/zametki/KonstruktivismEssencialism.htm>.

⁸⁴ См. подробнее: Паин Э. А. Этнополитический маятник. С. 35.

Из теоретиков эссенциалистского подхода к этничности конца XX века нельзя не упомянуть Льва Гумилева, выдвинувшего свою теорию пассионарности в этногенезе⁸⁵. «Теорию пассионарности» можно охарактеризовать как уникальный для Советского Союза жесткий *социально-биологический* вариант эссенциализма. Значительное внимание в концепции Гумилева уделяется исследованию проблем возникновения этносов, т. е. тому, что в советской этнографии получило наименование этногенетических исследований и считается устаревшим в современной этнологии⁸⁶.

Этногенез понимался Гумилевым как процесс, детерминированный преимущественно совокупным воздействием космических энергий и особенностей ландшафта («место развития»), в котором протекал этногенетический процесс. По его мнению, этногенез – это четырехфазный процесс, включающий возникновение, подъем, упадок и умирание этноса⁸⁷. Гумилев считал этнос явлением географическим и биофизическим, лишь обрамленным в социальную оболочку. Этнос – это коллектив, который отличается от других этносов стереотипом поведения, и эти стереотипы остаются практически неизменными на протяжении всего времени «жизни» этнической общности. Это время исследователь определял в пределах 1200–1500 лет, хотя даже в письменных источниках некоторые этнические общности, судя по их самоназванию (этнонимам), известны на протяжении нескольких тысячелетий.

Переосмысление примордиализма

Примордиализм – это теоретико-методологический подход в гуманитарных науках, основанный на представлении о социально-культурной «изначальности», первичности этничности в двух значениях: во-первых, как культурного наследия, передаваемого по каналам трансляции этнических традиций и воспринимаемого новыми поколениями как «изначальные» коллективные представления; во-вторых, как указания на этническое происхождение («начало») такого социально-политического сообщества, как нация. Последнее обстоятельство, по мнению Шилза, проявилось следующим образом:

Когда более широкая территориальная общность стала главным критерием для распознавания своих соотечественников, этническая общность сублимировалась в национальную⁸⁸.

Как уже отмечалось, в ходе терминологических дискуссий в России 1990-х годов трактовка именно этого теоретико-методологического подхода была наиболее сильно искажена в сравнении с оригинальной концепцией примордиализма, предложенной социологом Эдвардом Шилзом в 1957 году⁸⁹ и развиваемой антропологом Клиффордом Гирцем с начала 1960-х годов⁹⁰, а также теми исследователями, которые позднее причисляли себя к примордиалистскому направлению.

Искажение (сознательное или случайное) этого понятия начиналось с объяснения ключевого термина этой концепции – «примордиальность» («первоначальность», или «изначальность»). Ее в российских энциклопедических изданиях почему-то отождествляли с эссенци-

⁸⁵ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб.: Кристалл, 2001 (1989).

⁸⁶ Sokolovskii S., Tishkov V. Ethnicity // Encyclopedia of social and cultural anthropology: 2nd ed. London; New York: Routledge, 2002. P. 190–193.

⁸⁷ Гумилев Л. Н. Passionario. Теория пассионарности и этногенеза. М.: АСТ, 2016.

⁸⁸ Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 358.

⁸⁹ Shils E. Primordial, Personal, Sacred and Civil Ties // British Journal of Sociology. 1957. Vol. 8. № 2. P. 130–145.

⁹⁰ Geertz C. The Integrative Revolution: Primordial Sentiments and Civil Politics in the New States // Old Societies and New States. New York, 1963. P. 105–157.

ализмом и определяли как «изначальное и неизменное объединение людей „по крови“»⁹¹. Между тем ни один из исследователей, причисляющих себя к примордиализму, не разделял и ныне не разделяет биогенетическую трактовку понятия «этничность». Все они подчеркивали ее социально-культурный характер. Э. Шилз писал об этом явлении как о «социальном феномене глубинного коллективного самосознания»⁹². К. Гиртц определял этничность как «социально ратифицированную личностную идентичность»⁹³. Известный американский социолог Дональд Горовиц, обобщая все известные ему проявления примордиализма в американской социологии, трактует их исключительно как подход, основанный на анализе социальных предпосылок и факторов индивидуальной и коллективной идентичности⁹⁴.

В данной монографии мы впервые в российской научной литературе предлагаем определение примордиализма, близкое, на наш взгляд, к трактовке его авторов (Э. Шилза и последователей). Основные признаки примордиалистского подхода в такой трактовке включают в себя:

– *реальность бытования этничности* как коллективного самосознания и внутригрупповой солидарности. Э. Шилз писал, что «этничность кажется неуловимой, но она вполне реальна»⁹⁵. Здесь подмечена одна из важнейших особенностей примордиалистского подхода в его дискуссии с радикальным крылом конструктивизма, представляющим этничность исключительно как миф. Шилз и другие примордиалисты рассматривают реальность этничности не только в связи с ее видимыми проявлениями (в языке и особенностях этнического поведения – брачного, семейного, бытового и трудового), но и в этнических представлениях, в том числе и мифологических. Из знаменитой теоремы Томаса о том, что представления реальны по своим последствиям, вытекает вывод о реальности этнических стереотипов. Например, недоброжелательность к «чужим» становится социальной реальностью, овладевая массами людей и проявляясь в их действиях;

– *примордиальность (изначальность, первичность) этничности по отношению к нации*. Эту идею наиболее последовательно развивал Э. Смит в своем фундаментальном труде «Этническое происхождение наций», подчеркивая важность учета этнического фактора в истории современных политических наций, в которых переплетены гражданские и этнические основания (начала)⁹⁶. Этнические корни наций проявляются, например, в государственном языке. Ни одна из существующих политических наций не изобрела для себя искусственный язык, все изначально используют языки реальных этнических общностей. Даже государственный язык Израиля (иврит) нельзя назвать возрожденным из «мертвых» и уж тем более искусственным⁹⁷. В тех случаях, когда законом установлено несколько государственных языков, как в Швейцарии или Финляндии, все они отражают «первичность этничности по отношению к нации», подчеркивая культурный вклад той или иной этнической группы в общее культурно-политическое наследие сложившейся нации;

– *устойчивость и преемственность этнических признаков*. Сторонники примордиализма рассматривают этничность как культурное явление, передаваемое из поколения в поколение по каналам трансляции культурных традиций. Эта традиционность обеспечивает устойчивость этнических явлений культуры, в каких-то случаях со времен эпохи племенных

⁹¹ См. типичный пример: Яценко Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб.: Лань, 1999.

⁹² Shils E. Nation, Nationality, Nationalism and Civil Society // Nations and Nationalism. 1995. Vol. 1. № 1. P. 93–118.

⁹³ Geertz C. The Interpretation of Cultures: Selected Essays. New York, 1973. P. 309.

⁹⁴ Horowitz D. L. The Primordialists // Ethnonationalism in the Contemporary World: Walker Connor and the Study of Nationalism. P. 72–82.

⁹⁵ Shils E. Nation, Nationality, Nationalism and Civil Society. P. 93.

⁹⁶ Smith A. D. The Ethnic Origins of Nations. P. 155–156.

⁹⁷ Иврит не был «мертвым» языком, он сохранялся более двух тысяч лет в иудейских религиозных текстах и использовался религиозными людьми в иудаизме как «священный язык». На нем создавались произведения художественной литературы с древнейших времен и вплоть до XX в. Кроме того, его графика и важные фразеологемы лежали в основе разговорного языка европейских евреев – идиша.

обществ и до наших дней⁹⁸. Веками, а то и тысячелетиями сохраняются некоторые этнонимы (самоназвания). Весьма устойчивы также представления (мифы) об общем происхождении и важные фрагменты этнического языка. Менее длительное время, но также на протяжении жизни нескольких поколений могут сохраняться пищевые или эстетические представления.

В большинстве современных российских справочников, изданий и учебников этнологии к течению примордиалистов причисляют видных советских этнографов Ю. В. Бромлея, С. А. Токарева, Н. Н. Чебоксарова, М. В. Крюкова и других классиков советской и российской этнографии. Между тем ни один из них не называл себя примордиалистом, хотя большинство из них были знакомы с концепциями Э. Шилза и К. Гиртца, а С. А. Токарев даже оспаривал ряд положений антропологической концепции Гиртца⁹⁹. Искусственное, без учета их мнения и желания, отождествление идей советских этнографов с примордиалистским направлением в этнологии не только этически некорректно, но и научно неверно, поскольку не учитывает особенности советской *историко-эволюционной методологии*. Можно говорить лишь о том, что преобладавшая в Советском Союзе методология пересекалась с примордиализмом в признании *реальности этнических свойств* как социального явления и понимании причин их социально-исторической устойчивости в качестве культурного наследия. В большинстве же других вопросов подходы советского эволюционизма не совпадали с «буржуазным» примордиализмом.

Разновидности конструктивизма

Конструктивизм – научное направление в изучении этничности и нации, представляющее нацию или этническую общность как социальный конструкт – воображаемые сообщества, порождения культуры. Ныне это одна из основных парадигм социальных наук¹⁰⁰, в той или иной мере разделяемая большинством современных этнологов. При этом применительно к проблемам этничности и нации методология конструктивизма распадается на множество разновидностей.

Радикальный конструктивизм отрицает сам факт реального существования как этничности, так и нации. Это направление представлено прежде всего философом Карлом Поппером, который первым (еще в 1945 году) сформулировал, в весьма жесткой форме, основную идею этой методологии: «Мысль о том, что существуют такие естественные элементы, как нации, лингвистические или расовые группы – чистый вымысел»¹⁰¹. Если под «естественностью» наций и этничности понимается их «природность», биологизм, то с отсутствием такой естественности не спорят и примордиалисты. Но выдающийся философ отрицал реальность самих этих явлений, и такой вывод имеет связь с его биографией. В 1930-х годах К. Поппер у себя на родине в Австрии испытал ужасы нацизма и антисемитизма. Тогда этничность, в виде еврейских корней его семьи, была несомненной реальностью, хотя бы как повод для нацистских репрессий. Однако Карлу удалось эмигрировать в Англию, где он полностью ассимилировался в новой культурной среде, отказавшись от своей прежней этнической идентичности. После войны Поппер захотел радикально переосмыслить проблему этничности и нации, доказывая их ложность и вымышленность. Ныне примерно такую же точку зрения, хотя и по другим причинам, выражает Роджерс Брубейкер. В аннотации к его книге «Этничность без групп»

⁹⁸ Isaacs H. R. Idols of the Tribe: Group Identity and Political Change. New York, 1975. P. 28.

⁹⁹ Токарев С. А. Истоки этнографической науки. М.: Наука, 1978. С. 165.

¹⁰⁰ О сути классической идеи конструктивизма см.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование действительности. М.: Медиум, 1995.

¹⁰¹ Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Феникс, 1992. Т. 1. С. 357.

говорится, что «этничность, раса и нация представляют собой не объекты внешнего мира, а способы его видения, интерпретации и репрезентации»¹⁰².

Такая точка зрения, назовем ее «ирреализмом», допустима, но имеет свои ограничения, особенно для использования в управлении. В принципе любую социальную реальность, например город, можно рассматривать не только как реальный объект жизнедеятельности людей, но и как воображаемое сообщество, совокупность репрезентаций: отражений городских проблем и образов в общественном мнении, политических дискуссиях или художественной литературе. Однако анализ города в такой проекции будет явно недостаточным для целей государственного или муниципального управления, например когда задача состоит в снабжении города продуктами питания, развитии дорожной инфраструктуры или энергетическом обеспечении жизнедеятельности тысяч людей. Точно так же и о нации можно говорить как об образе в сознании людей, однако реальность существования национально-политических сообществ неизбежно даст о себе знать в случае их раскола, эрозии и возникновения этнических, религиозных или расовых конфликтов или агрессии со стороны других государств-наций.

Реалистический конструктивизм. Большинство этнологов всех направлений и разных стран мира не ставят под сомнение реальность этничности, этнических групп и наций, но различают *два типа реальности*. На первую из них обращают внимание примордиалисты, изучая исторически устойчивые, унаследованные из прошлого явления, воспринимаемые людьми как внешняя, независимая от них данность, – этот подход можно описать метафорой «социальной эстафеты» передачи наследия из рук в руки из поколения в поколение. В свою очередь конструктивисты выделяют второй тип реальности – созданную, сконструированную людьми, но зачастую воспринимаемую как давняя традиция¹⁰³. Эрик Хобсбаум и группа английских историков собрали многочисленные примеры другой реальности – так называемых «изобретенных традиций»: культурных артефактов, считавшихся большинством англичан древними, но в действительности специально созданных в Новое время, в период промышленного подъема, для укрепления веры людей в национальное государство, поскольку всякая вера нуждается в опоре на древние символы¹⁰⁴.

«Реалистические конструктивисты» признают реальное существование этничности, однако вслед за Максом Вебером полагают, что не кровные связи, а общественное сознание задает, «конструирует» реальное бытование этничности. Т. Эриксен, автор одной из лучших, на мой взгляд, работ по теории этничности, пишет:

Этничность – аспект социального взаимодействия между людьми, считающими себя культурно отличными от других групп, с которыми у них поддерживается минимум регулярных контактов. Это социальная идентичность, характеризующаяся метафорой родства или фиктивным родством¹⁰⁵.

Огромное влияние на развитие идеи конструктивизма в сфере этничности оказали взгляды Фредрика Барта, норвежского исследователя, в последние годы жизни работавшего в американских университетах. Во введении к сборнику «Этнические группы и социальные границы» и других своих работах Барт сформулировал основные признаки классического конструктивистского подхода к этничности¹⁰⁶:

¹⁰² Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 1.

¹⁰³ О взаимосвязи двух форм реальности в социально-культурной сфере см.: Паин Э. А. «Социальная эстафета» и другие механизмы воспроизводства стереотипов социального поведения // X Сократические чтения: Реальность как социальные эстафеты. М.: Эслан, 2015. С. 74–88. URL: <https://publications.hse.ru/view/202245498>.

¹⁰⁴ The Invention of Tradition / E. Hobsbawm, T. Ranger (eds). Cambridge University Press, 2003.

¹⁰⁵ Eriksen T. Ethnicity and Nationalism. P. 12.

¹⁰⁶ Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий.

– этничность рассматривается как форма социальной организации культурных различий, как «конструкт», результат социально разделительных и объединительных процессов;

– «социальные границы» – это важнейшая находка Барта, характеризующая появление в сообществе групп, противопоставляющих себя другим по принципу «мы – они», «свои – чужие». Нередко в истории политические границы пересекали единую этническую общность и вследствие такого раскола начинали формироваться новые культурные особенности. Например, деление единого раннеславянского сообщества на подгруппы восточных, западных и южных славян привело к конструированию новых языковых и других культурных свойств. Точно так же в дальнейшем, уже в процессе разделения восточных славян на русских, украинцев и белорусов, формировались новые комплексы культурных различий, закреплявшие сложившиеся социальные границы;

– поскольку социальные границы конструируются и реконструируются, то принадлежность индивида к этнической группе, как и к социальной, не задана раз и навсегда, она подвижна; подвижными, текучими, «дрейфующими» являются, по мысли конструктивистов, и этнические идентичности;

– этничность рассматривается как ситуативный феномен, создаваемый средствами символического различения, «этническими маркерами», позволяющими различать «своих» и «чужих». В этом качестве могут выступать разные элементы культуры, прежде всего язык.

Исследования конструктивистов показали следующее: во-первых, этнокультурные особенности социальных сообществ находятся в постоянном изменении; во-вторых, они вовсе не тотально присущи всем представителям общности, объединяемой общим названием и идентичностью. Даже в небольших по численности и высокосплоченных этнических группах заметны индивидуальные различия: в прочности этнической идентичности, освоении культурных традиций, проявлении этнической солидарности и др. Эти различия во многом обусловлены социальной, образовательной, гендерной и иной стратификацией общества. Представление о некоем едином «психическом складе» этноса или нации ошибочно и относится к числу предрассудков, опасных тем, что они могут порождать настроения ксенофобии (неприятия «чужаков»).

Итак, сторонники реалистического конструктивизма, последователи Ф. Барта, полагают, что этничность – это форма социальной реальности, воспринимаемая большинством людей исключительно как внешняя данность, однако в действительности она во многом сконструирована людьми, и процесс такого созидания (конструирования) этничности носит непрерывный характер.

Инструментализм политологов

Одним из ответвлений конструктивизма являются *инструменталистские трактовки этничности*. Это направление сложилось в политологии, более того, первоначально именно инструментализм служил основой представлений об этнической политологии у зачинателей этой научной дисциплины – Дж. Ротшильда и П. Брасса, которые рассматривали этничность исключительно как идеологию, создаваемую элитой для мобилизации масс и достижения собственных интересов в борьбе за власть¹⁰⁷. Инструментализм нередко опирается на социально-психологические теории, в которых этничность трактуется как эффективное средство для преодоления отчуждения, восстановления попорченной национальной гордости, как социальная терапия и т. п. Существенной чертой всех инструменталистских теорий является их опора на функционализм и утилитаристские ценности. В этой группе концепций существо-

¹⁰⁷ Brass P. *Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison*. New Delhi, 1991; *Nation and Narration* / Ed. H. Bhabha. London, 1990; Rotshild J. *Ethnopolitic*.

вание этнических общностей нередко объясняется с позиций социологического функционализма: этнические группы существуют и служат определенным целям, соответствуют конкретным интересам, создавая определенный психологический комфорт для человека. Например, позволяют справиться с проблемой отчуждения, порождаемой индустриальным обществом с его массовой культурой, и таким образом выстроить «свой дом» и «свой мир», сделать этот мир комфортным, подчинить его власти своих традиций, где окружающие тебя «другие», которые вместе с тобой переживают кризис отчуждения, претворяются в результате этой сопричастности в «своих», участников строительства «своего дома». Эта концепция этничности как способа преодоления отчуждения отстаивается психологами и теми социологами, методы которых предполагают знание и использование социально-психологической теории.

В эту же группу можно включить и тех исследователей, которые полагают, что этничность позволяет справиться с информационной сложностью современной жизни, «разгрузить» психику от разнотипных информационно-избыточных «сигналов», каким-то образом упорядочив их. Классифицируя людей по их этнической принадлежности, индивид получает возможность «упростить» получаемую информацию, разделив всех на «своих» и «чужих». Это позволяет существенно упростить взаимодействие, сводя его к известному репертуару стереотипных ролей и ситуаций.

По мнению Вернера Соллорса, этничность – это всего лишь процесс постоянного определения и подтверждения индивидуальной и групповой идентичности¹⁰⁸. Этничности как процессу уделяют основное внимание современные западные течения в политологии, социологии и социальной антропологии. При этом одним из основных содержаний этого процесса признается так называемый «дрейф этничности», т. е. смена этничности или ее ослабление, например в соответствии с моделями, которые еще в середине 1970-х годов выстроил известный американский психолог и антрополог Абрамсон¹⁰⁹. Он выделил четыре типа социальных групп, в разной степени освоивших этничность.

К первому типу, «традиционалистам», принадлежат люди, которые полностью разделяют ценности данной этнической группы и интегрированы в ее структуры.

Второй тип, «пришельцы-неофиты», составляют люди, которые включены в структуру этнических связей, но не имеют унаследованных корней, соответственно их культурноценностное единство с группой носит неглубокий внешний характер. Чаще всего это представители ассимилированных групп или люди, вошедшие в «чужую» этническую культуру вследствие заключения межэтнических браков, реже – это представители диаспоральной части этноса, культурная этнизация которых происходила за пределами зоны проживания основного этноса, а реальная социализация – после возвращения на родину. Все они постоянно ощущают подозрение и недоверие со стороны основного ядра этноса, вследствие этого какая-то часть «неофитов» становится агрессивными традиционалистами, чтобы доказать истинность своей этничности, другие – пассивными традиционалистами. Но немало и тех, кто не выдерживает психологического состояния вечного подозрения соплеменников и меняет этничность, хотя в этом случае они могут снова попасть в ситуацию неофитов.

Третий тип, «изгнанники», составляют диаспоральные группы, проживающие в иноэтнической среде и сохраняющие свою «исконную» этническую идентичность. Этот тип – прямая противоположность «неофитам», поскольку в чужой среде этнические группы, как правило, стойко защищают свою этничность, хотя с поколениями она почти неизбежно ослабевает. Разумеется, степень сохранности традиционных этнических свойств зависит от уровня «агрессивности» и «чужеродности» внешней среды. Скажем, украинцы на территории иноэтнического

¹⁰⁸ Sollors W. *Beyond Ethnicity: Consent and Descent in American Culture*. New York, 1986. P. 206.

¹⁰⁹ Abramson H. J. *On the Sociology of Ethnicity and Social Change: A Model of Rootedness and Rootlessness* // *Economic and Social Review*. 1976. Vol. 8. № 1. P. 43–59.

венгерского окружения дольше хранили свою этническую специфику, чем на территориях с преобладанием родственного русского населения, где они в исторически короткие сроки русифицировались¹¹⁰.

Четвертый тип, «евнухи», – это люди или небольшие группы, которые утратили этническую память, не хранят этнокультурного наследия и одновременно не входят ни в какую другую этническую группу, т. е. полностью лишены этнической идентичности.

На наш взгляд, среди множества конструктивистских и отчасти инструменталистских концепций устойчивости этничности наибольшего внимания заслуживает подход Дж. Хааса и У. Шаффира, которые полагают, что устойчивость этничности обусловлена как внутренними характеристиками этнической группы, так и внешними обстоятельствами. К внутренним можно отнести следующие характеристики: степень групповой солидарности, меру интегрированности человека в группу, меру сохранения им культурного наследия. А к внешним характеристикам относится готовность среды, в которой живет данная группа, к ее интеграции на условиях равенства с другими. Часто бывает так, что ощущение негативного отношения к себе со стороны окружающей среды в большой мере способствует сохранению внутренней замкнутости группы и традиционных черт ее образа жизни, чем некие внутригрупповые обстоятельства¹¹¹.

Инструментализм опирается на социально-психологические теории, в которых этничность трактуется как эффективное средство, инструмент для преодоления отчуждения, восстановления попорченной национальной гордости, как социальная терапия и др. Такого рода идеи можно найти у известных социологов и психологов: Д. Белла, Дж. Дейвиса, Д. Мойнихэна, К. Юнга и др. Одно из самых известных проявлений инструментализма сложилось в политологии. Политологические трактовки инструментализма прослеживаются и у Д. Горовица в его анализе причин межэтнических конфликтов¹¹². Вместе с тем, как мы отмечали ранее, этот социолог один из тех, кто обосновывал важность и пользу примордиалистского подхода к изучению этнических явлений¹¹³. Другой пример сочетания разных теоретико-методологических подходов мы видим у автора термина «примордиализм» Э. Шилза, не отвергавшего при этом и сугубо конструктивистские оценки этничности. Еще в конце 1960-х годов, т. е. за два десятилетия до того, как появилась книга Бенедикта Андерсона «Воображаемые сообщества», считающаяся едва ли не главным символом конструктивизма в теории наций, Шилз писал:

Этническая общность представляет собой умоизрядительный конструируемый... <...> Даже когда национальная общность освобождалась от этнической (или расовой) общности, то и в этом случае в концепции национальной общности по-прежнему оставалось много от мифологии, поскольку она является плодом воображения¹¹⁴.

Теоретико-методологический подход – это не религия, поэтому комбинация научных подходов не является вероотступничеством. Напротив, выдающиеся ученые весьма часто сочетают в своем творчестве разные теоретические подходы, синтезируя таким образом новую методологию.

¹¹⁰ См.: Новые диаспоры. Государственная политика по отношению к соотечественникам и национальным меньшинствам в Венгрии, Украине и России / Под ред. В. Мукомеля и Э. Паина. М.: ЦЭПРИ, 2002.

¹¹¹ Haas J., Shaffir W. Symbolic Interaction Theory // Shaping Identity in Canadian Society. Scarborough, 1979. P. 3–53.

¹¹² Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. Berkley, 1985.

¹¹³ Horowitz D. L. The Primordialists. P. 72–82.

¹¹⁴ Шилз Э. Общество и общества. С. 358. (Выделено мной. – Э. П.)

3. «Нация», «этнос» и «этничность»: трактовка в рамках плюралистической методологии

О принципе взаимной дополнителности в изучении этничности

На протяжении нескольких десятилетий на рубеже XX–XXI веков в науке шел спор между сторонниками примордиальной и конструктивистской концепциями этничности и нации, хотя многие теоретики вполне обоснованно считают противопоставление этих парадигм искусственным и схоластическим, поскольку они вполне совместимы друг с другом¹¹⁵. Повторим то, что уже отмечалось автором еще в начале 2000-х годов, но все еще плохо осмыслено в научной литературе. Раздельное использование конструктивизма и примордиализма приводит к заведомо неадекватным выводам. При этом крайний радикальный примордиализм, в эссенциалистской его форме, предполагает «фатальную, извечную предопределенность культурных свойств и ценностных ориентаций различных народов (этносов) и цивилизаций. Отсюда вытекает идея роковой „судьбы народа“... <...> Другая крайность – чрезмерный конструктивизм, который преувеличивает пластичность массового сознания и возможность манипулировать им под воздействием дискурса интеллектуальных и политических элит. Обе крайности приводят к весьма упрощенным представлениям об этнических процессах»¹¹⁶.

Между тем научные подходы примордиализм и конструктивизм дополняют друг друга, поскольку изучают разные стороны этничности. Первый сосредоточен на анализе относительно устойчивых свойств этнических общностей: этническое самосознание, солидарность и предрасположенность к взаимному общению, например в сфере брачных отношений. Конструктивизм, напротив, акцентирует внимание на относительно подвижных элементах этноса, сформированных в результате целенаправленной деятельности людей, во многом под влиянием этнических элит. О взаимосвязи этих подходов (не используя сами термины «примордиализм» и «конструктивизм») писал Ю. В. Бромлей еще в начале 1980-х годов. Он отмечал, что каждый этнос на протяжении всего своего существования практически перманентно подвергается изменениям. По сути, академик говорил о «конструировании» этнической культуры (во всяком случае, о ее «перестройке») под влиянием инноваций. Однако в конечном счете «только межпоколенная передача инноваций придает им традиционность и относительную устойчивость, которая необходима для выполнения любым компонентом этноса своих функций»¹¹⁷. Эта идея о том, что всякая новация, любое конструктивное решение входят в жизнь этнических групп после того, как становятся традицией, подтверждается анализом результатов исследований лидеров конструктивистского направления.

Так, Э. Хобсбаум и его коллеги по сборнику «Изобретенные традиции» показали, что многие явления культуры, которые люди XX века считали давними традициями, были изобретены в XIX веке, особенно часто в период правления королевы Виктории. Однако с тех пор эти артефакты (например, шотландский килт – предмет мужской одежды из клетчатой ткани) закрепились в культуре и превратились в полноценные традиции, поскольку уже несколько поколений англичан и шотландцев используют эти изобретения в качестве этнических символов.

¹¹⁵ См., например: Коротеева В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. М.: РГГУ, 1999. С. 11–14.

¹¹⁶ Паин Э. А. Распутица: полемические размышления о предопределенности пути России. М., 2009. С. 116.

¹¹⁷ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. С. 234. Эту идею десятилетиями раньше выражали и другие советские этнографы. См.: Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. М., 1972. Т. 2. С. 8–30.

Исследования Ф. Барта показали, как меняется этническая идентичность вслед за изменением социальных границ. Вместе с тем история показывает, что возникшие границы могут надолго «застывать», а сформировавшаяся при этом идентичность закрепляется в сознании нескольких поколений людей. Например, абсолютное большинство россиян вполне определенно отмечают свою этническую идентичность (национальность) в переписях населения, а доля россиян, которые с 1989 по 2010 год не захотели или не смогли указать свою национальность в переписи, составляла всего 2–4%¹¹⁸. Смена одной этничности на другую – еще более редкое явление, чем отказ от указания национальности. Исследования Д. Богоявленского показывают, что случаи смены этничности во взрослом возрасте даже в этнически смешанных браках за два десятилетия между переписями населения СССР и России были единичными. Чаще всего такие случаи фиксировались на пограничных этнических территориях (например, татаро-башкирских) и обычно происходили под влиянием административного давления со стороны властей той или иной республики, т. е. почти всегда были недобровольными¹¹⁹.

О проницаемости этнических границ и потенциальном дрейфе этничности могла бы свидетельствовать высокая доля межэтнических браков, однако в России она весьма незначительна и составляет, по данным переписи 2010 года, всего 12% от общего количества семейных пар¹²⁰. Во многих европейских странах этот показатель еще ниже, например в Эстонии в тот же период – менее 10%¹²¹. В советское время в РСФСР доля этнически смешанных пар тоже была относительно небольшой и колебалась от 8,3 (1959) до 14,7% (1989)¹²². Ю. В. Бромлей считал такие показатели типичными для современного мира, отмечая, что «этническая эндогамия» – так академик назвал браки внутри одного этноса – доминирует в большинстве стран мира. По его мнению, «в современных условиях этносы по крайней мере на 80–85% эндогамны»¹²³. В России, по переписи 2010 года, в этническом и региональном разрезе наименьшая доля этнической эндогамии зафиксирована у народа коми – 65% брачных пар в одноименной республике, а наивысшая – у чеченцев в Чеченской Республике – 95%¹²⁴.

Наиболее выдающиеся научные труды в области изучения этничности и нации, как правило, сочетают в себе разные научные подходы. К. Калхун в своей фундаментальной и обобщающей книге «Национализм» выделил раздел «Конструкция и примордиальность», в котором отказался не только от оценок этих подходов по принципу «плохие» и «хорошие», «истинные» и «ложные», но и показал, что эти подходы предназначены для анализа разных социокультурных явлений: конструктивизм наилучшим образом описывает феномен нации, тогда как примордиализм весьма ограниченно пригоден для анализа этого явления и больше применим для характеристики «родства», «происхождения» и «этничности», учитывая значительную зависимость указанных явлений от передачи прошлого, исторического опыта¹²⁵.

¹¹⁸ Богоявленский Д. Перепись 2010: этнический срез.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Соболевская О. В. Смешанные браки измеряют дистанцию между этносами // IQ.HSE.ru. 2018. 05.06. URL: <https://iq.hse.ru/news/177665069.html>.

¹²¹ Смешанные браки продолжают заключаться // DELFI. 2007. 17.05. URL: <https://rus.delfi.ee/daily/estonia/smeshannye-braki-prodolzhayut-zaklyuchatsya>.

¹²² Сороко Е. Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации // Демографическое обозрение. 2014. № 4. С. 97.

¹²³ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. С. 202.

¹²⁴ Сороко Е. Этнически смешанные супружеские пары... С. 104.

¹²⁵ Калхун К. Национализм. С. 87.

Плюралистический подход в теории наций

Пока мы говорили о плюралистическом подходе при изучении этничности, но не менее значим он и для концептуального осмысления наций, особенно в нашей стране, где дискуссии о природе нации подстегиваются постоянным переосмыслением причин и последствий распада СССР и периодически взрывающимися этническими конфликтами на постсоветском пространстве. При этом научные дискуссии часто приобретают политический подтекст. Само определение нации (или отказ от него) зачастую трактуется как предрасположенность автора не только к некой теоретической концепции, но и к политической доктрине. Так, переход от советской преимущественно этнической трактовки нации (как «этносоциального организма») к политической вызывал подозрительность некоторых теоретиков, выступающих от имени малочисленных народов и задававших вопрос: а не является ли такой концептуальный дрейф проявлением этнического нигилизма со стороны федеральных властей и московских элитарных кругов? На это обратил внимание российский философ и известный политик Рамазан Абдулатипов в письме президенту Б. Н. Ельцину в апреле 1994 года:

Народы угадывают скрытую логику подобных рассуждений: России нужны Чечня, Тыва, Калмыкия и не нужны чеченцы, тувинцы, калмыки¹²⁶.

Подобные опасения подкреплялись аргументами, взятыми из советской истории, когда под шум деклараций о равноправии народов многие этнические общности, в том числе и упомянутые чеченцы и калмыки, были изгнаны со своих территорий.

В современной мировой науке политические теории нации, бесспорно, доминируют над этническими в комплексе этнополитологических исследований. Об этом можно судить на основе анализа трактовок нации, отраженных в подавляющем большинстве современных энциклопедических, справочных изданий и учебников, издаваемых в Западной Европе и Америке, например в авторитетной «Энциклопедии национализма» Л. Снайдера¹²⁷. В российской этнологии такой подход утвердился прежде всего благодаря усилиям В. А. Тишкова, М. Н. Губогло, А. Г. Осипова, В. С. Малахова и др.¹²⁸

Политическая теория нации предполагает прочную связь социально-политической общности с государством. При этом национальная общность либо развивается в границах государства, либо стремится к ее созданию. Эта идея является основой политической теории нации, однако внутри нее существуют разные версии. Прежде всего, различаются этатистская и гражданская разновидности политической теории нации. Так, В. А. Тишков характеризует свое понимание сущности нации как этатистское, в этом случае понятие *нация* тождественно понятию *государство*¹²⁹. В таком понимании Организация Объединенных Наций (ООН) может рассматриваться как организация объединенных государств. Гражданская трактовка политической теории нации связывает это явление не столько с этатистским субъектом – государством, сколько с гражданским – с обществом, подчеркивая ведущую роль общества, народа в политической системе правового государства. В такой трактовке и ООН – это организация не всех государств земли, а только признанных мировым сообществом в качестве суверенных государств-наций,

¹²⁶ Абдулатипов Р. Россия на пороге XXI века. Состояние и перспективы федеративного устройства. М., 1996. С. 232–233.

¹²⁷ Snyder L. Encyclopedia of Nationalism. New York, 1990. P. 131.

¹²⁸ Губогло М. Н. Переломные годы...; Малахов В. Зачем России мультикультурализм? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В. С. Малахова и В. А. Тишкова. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, Ин-т философии РАН, 2002. С. 48–60; Осипов А. Г. Идеологический фактор в процессе формирования самосознания малых этнических групп // Права и статус национальных меньшинств в бывшем СССР. М., 1993. С. 90–101.

¹²⁹ Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. С. 37.

основанных на народном суверенитете, при котором власть подчиняется воле народа (нации), а не диктатуре монарха, вождя, военной хунты или олигархических групп.

Концепция гражданской нации стала складываться в послевоенной Европе и в США. Одним из первых такой подход к нации выразил выдающийся американско-немецкий политолог Карл Дойч, провозгласивший: «Нация – это народ, овладевший государством»¹³⁰. Позднее похожую трактовку политической (гражданской) нации поддержал гарвардский профессор Руперт Эмерсон:

Нация стремится овладеть государством как политическим инструментом, с помощью которого она может защитить и утвердить себя. <...> ...Нация фактически стала тем, что придает легитимность государству. Если в основу государства заложен любой другой принцип, а не национальный, как это имеет место в каждой имперской системе, то его основы в век национализма немедленно ставятся под сомнение¹³¹.

С 1960-х годов стало популярным научное представление о том, что гражданская нация не только легитимизирует государство, но и формирует национальные интересы, которые должны переплавляться государством в политические стратегии. Главное же, что нация, как общество, объединенное единством гражданских ценностей, только одна и способна предотвратить перерождение демократического государства в тоталитарное.

В 1990-х годах исследователи стали называть важнейшим признаком появления гражданской нации такое изменение массового сознания, при котором формальные граждане овладевают гражданской культурой и начинают дорожить ценностью своих прав и обязанностей, а также осознавать решающую роль граждан в политической системе государства в качестве источника власти. В таких условиях активно формируются добровольные ассоциации и другие институты гражданского общества, способные контролировать деятельность государственной власти и защищать интересы общества.

Итак, появление развитого и влиятельно гражданского общества позволяет характеризовать политическую нацию как гражданскую, которую признают наиболее демократичной формой развития нации.

Приверженцы гражданской версии политической теории нации подчеркивают, что нация – это не просто население государства или согражданство и даже не просто гражданское общество, – это еще и общность, объединенная едиными культурно-ценностными узами. Такая точка зрения на нацию сложилась во многом под влиянием Э. Геллнера и Б. Андерсона – двух самых известных специалистов в области теории нации, идеи которых надолго определили развитие этой отрасли знания. Наша краткая, по необходимости, характеристика творчества обоих авторитетных ученых, разумеется, не претендует на исчерпывающий анализ их взглядов. Мы лишь хотим обратить внимание наших читателей на некоторые нюансы концепций Геллнера и Андерсона, которые остались малозамеченными, ускользнув от внимания большинства толкователей трудов обоих мыслителей.

Эрнест Геллнер внес огромный вклад в развитие теории нации и национализма. Теорию Геллнера можно назвать экономико-культурологической. Как приверженец идей модернизации, он выводит неизбежность появления гражданского национализма и политических (гражданских) наций из новой роли культуры в индустриальном обществе, в отличие от традиционных аграрных обществ. В традиционном обществе сосуществуют малые, народные культуры, замкнутые в пределах самодостаточных общин. Стоящие у власти административные и духовные элиты заинтересованы в сохранении и даже углублении культурных различий,

¹³⁰ Deutsch K. Nationalism and Social Communication: An Inquiry into the Foundations of Nationality.

¹³¹ Emerson R. From Empire to Nation. The Rise of Self-Assertion of Asian and African Peoples. Cambridge: Harvard University Press, 1960. P. 96.

отсюда крайне редкое совпадение между политическими границами и сферой распространения отдельных этнических культур. Ситуация стала меняться в ходе индустриальной революции Нового времени (XVIII–XIX века), стимулировавшей рост культурной стандартизации общества и вытеснения местных самобытных культур единой для государства, универсальной и профессиональной. Мобильное же по своей природе индустриальное производство требует культурной однородности общества. Возникает потребность в развитии единого национального языка и общих культурных смыслов. Единообразие культуры может быть обеспечено лишь централизованной системой образования, за которой стоит современное государство. Поэтому совпадение политического сообщества и поддерживаемой им единой национальной культуры становится нормой Нового времени, предстающей в истории как националистический императив.

Итак, концепцию Геллнера в ее первоначальном виде можно упрощенно представить в виде простой схемы. В ней исходным импульсом образования наций выступает экономическая модернизация. Она вызывает потребность в обеспечении культурной однородности населения той или иной страны, а также в политической кодификации населения (граждан) в качестве основного субъекта государства-нации. Главную функцию в борьбе за построение культурно однородных обществ в границах существующих государств или завоевании национально-государственного единства и независимости народов, не имевших своей государственности, берут на себя националисты, которые, по мысли раннего Геллнера, играют решающую роль в созидании нации (*nation-building*). Эта идея казалась логичной и абсолютно неуязвимой для критики, однако в конце своей жизни Геллнер во многом отказался от этой схемы, что не умаило его заслуг в том, что он одним из первых сформулировал основной признак политической нации – ее связь с государством, а заодно определил важнейшую политическую функцию национализма. По Геллнеру, национализм – «политический принцип, требующий совпадения национальной общности и государства»¹³².

Геллнер был одним из пионеров использования методологии конструктивизма в развитии теории наций и национализма. На этом пути он прославился уже тем, что ввел в научный оборот свой знаменитый афоризм о политическом субъекте, сконструировавшем нацию: «Именно национализм порождает нации, а не наоборот»¹³³. Эта идея, впервые опубликованная в монографии «Нации и национализм» (1983), цитировалась множество раз, на многих языках мира, и известна больше, чем любое другое изречение Геллнера. Однако мало кто обратил внимание на то, что спустя 11 лет после выхода упомянутой книги сам мэтр фактически опроверг свою идею о роли национализма в строительстве наций.

В 1994 году, за год до смерти мэтра, вышла последняя монография Геллнера: «Условия свободы: Гражданское общество и его исторические соперники»¹³⁴. В ней изложена принципиально иная схема исторического соединения национальной культуры и государственных границ. Выдающийся ученый не побоялся показать, что такое соединение произошло во многих странах Европы (прежде всего на севере континента и на его Атлантическом побережье) намного раньше, чем он предполагал ранее, – еще в период Средневековья, за несколько веков до появления в эпоху модерна сил, которые стали называться националистами. Значит, все-таки не националисты сконструировали нации, во всяком случае не везде и не всегда они себя в этом проявили. Так, политическая история Англии не оставила этническим националистам места для участия в национальном строительстве, поскольку на Британских островах нация стала складываться еще в XV–XVI веках и совсем не так, как первоначально предполагал Гелл-

¹³² Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 23; Gellner E. Thought and Change. London, 1964; Nations and Nationalism. Oxford, 1983; Encounters with Nationalism. Oxford, 1994; Gellner E. Introduction // Notions of Nationalism. Budapest, 1995.

¹³³ Геллнер Э. Нации и национализм. С. 23.

¹³⁴ Gellner E. Conditions of Liberty: Civil Society and Its Rivals. London: Hamilton, 1994.

нер: не снизу – усилиями националистов, а сверху – усилиями государства и спонсированной им профессиональной культуры. Поэтому, когда спустя три-четыре столетия в Англии наконец появились националисты, в них уже не было нужды в качестве создателей нации, она уже существовала: «...нация Шекспира уже не нуждалась в формировании новой кодифицированной культуры»¹³⁵. И в Германии этнические нации сформировались до появления национализма. Здесь этническая германская нация появилась, по мысли Геллнера, в эпоху Реформации, хотя еще долго не была очерчена едиными государственными границами:

То есть были невесты, готовые идти к алтарю, оставалось только найти для них достойных политических женихов. Иначе говоря, здесь требовалось государственное строительство, но не создание новых национальных культур¹³⁶.

Этим строительством занимались не самодеятельные националисты, а государство, активнее других – прусская монархия, и Геллнер подчеркивает, что произошло это «прежде, чем вышел на сцену политический национализм»¹³⁷. И лишь в континентальных империях – Австро-Венгерской и Османской, особенно там, где политические и этнические границы совершенно не совпадали (например, на Балканах), где господствовала этническая и религиозная многоукладность и чересполосица, – там и проявилась созидательная и одновременно весьма агрессивная роль националистов, которые, поставив задачи строительства культурно однородных государств, должны были вначале сконструировать однородные этнические нации, а для этого «ассимилировать, или изгнать, или уничтожить огромное количество людей»¹³⁸.

Геллнер, переосмыслив роль национализма в формировании этнических наций, одновременно обосновал в последней своей монографии решающее значение *гражданского общества* в становлении наций гражданских. По его мнению, гражданское общество является важнейшим условием появления гражданской нации, поскольку только оно способно «служить противовесом государству, не мешая ему, выполнять роль миротворца и арбитра между основными группами интересов...»¹³⁹. На наш взгляд, чрезвычайно важным является замечание Геллнера о том, что появление развитого гражданского общества пока является исторической редкостью, поэтому

до сих пор во многих (и весьма обширных) частях нашего мира не существует того, что обозначается этим термином. <...> Наиболее остро это проявилось в тех обществах, где все стороны жизни были строго централизованы, где существовала единая политическая, экономическая и идеологическая иерархия, не допускавшая никакого соперничества, и где единственная точка зрения служила мерилom истины и правоты небольшой группы людей¹⁴⁰.

Там, где отсутствовали или были очень слабыми институты гражданского общества, не складывались и гражданские нации, и такие «общества пребывали в разобщенном, атомизированном состоянии»¹⁴¹.

¹³⁵ Геллнер Э. Условия свободы: Гражданское общество и его исторические соперники. М.: Московская школа политических исследований, 2004. С. 134.

¹³⁶ Там же. С. 135.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же. С. 136.

¹³⁹ Там же. С. 14.

¹⁴⁰ Там же. С. 9.

¹⁴¹ Там же.

Научное величие Геллнера, на наш взгляд, состоит уже в том, что он, будучи прославленным ученым, не побоялся на склоне лет радикально изменить свою теорию, опровергнув свои собственные, при этом самые яркие и популярные идеи. Но в результате он сделал свою теорию более адекватной политической истории, более разнообразной и богатой по содержанию. Она стала одной из самых популярных и авторитетных в этнополитологии, но одновременно одной из самых спорных. Многие ее положения стали рассматриваться как аксиоматические, однако основной вывод, к которому сегодня приходят исследователи, оценивающие роль этой теории, чаще всего сводится к признанию того, что даже такой выдающийся мыслитель современности не смог построить завершенную единую теорию нации и национализма¹⁴². В то же время он далеко продвинулся в понимании механизмов взаимовлияния экономической и культурной модернизации с одной стороны и этнополитических, национальных процессов – с другой.

На мой взгляд, наиболее авторитетной ныне является концепция нации *Бенедикта Андерсона*. В ней идеи конструктивизма органично переплетаются с историко-эволюционным подходом, иногда трактуемым как примордиализм. Начнем нашу краткую характеристику концепции этого британского ученого с ее конструктивистских аспектов. Андерсон, хотя никогда не называл себя конструктивистом, внес огромный вклад в развитие этого направления уже тем, что предложил чрезвычайно яркую и запоминающуюся конструктивистскую метафору – «воображаемое сообщество» (*imagined community*). По утверждению ученого, «все сообщества крупнее первобытных деревень, объединенных контактом лицом-к-лицу (а может быть, даже и они), – воображаемые»¹⁴³. Иначе говоря, люди воображают себя частью сообщества, не имея возможности ощутить это через непосредственные контакты. Особенность нации как сообщества в том, что это политическое сообщество, скрепленное представлением людей об их участии в свободном самоопределении в «своем» суверенном государстве.

Концепция «воображаемого сообщества» дополнила конструктивистские подходы Э. Хобсбаума об «изобретенных традициях» и идеи Э. Геллнера о взаимосвязи культурного строительства и экономической модернизации в развитии наций и национализма. При этом Б. Андерсон не ограничился выдающейся метафорой, а показал широкий комплекс механизмов воображения (конструирования) нации с помощью книгопечатания, создания музеев, проведения переписей населения, картографии территорий и др. Его концепция изложена в книге «Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма». Упоминание об истоках национализма в названии этой монографии указывает на использование в ней историко-эволюционного метода исследования и на ее научный предмет: изучение эволюции национализма и наций в эпоху модерна. Подход Андерсона к этому предмету весьма своеобразен. Для него национализм – это явление такого же масштаба, что и религия, политическая роль которой в сплочении подданных государя ослабевала в эпоху становления демократии Нового времени, поэтому вытеснялась *национализмом* как комплексом идей о ведущей роли нации (народа) в управлении государством и представлением о том, что государственная власть не дарована Богом его помазанникам, монархам, а достигается волей суверенной *нации* (народа). Развитие национализма и становление на его основе наций проявляется в культуре, например в процессе вытеснения из политической жизни элитарного языка религий (латыни или санскрита) народными, этническими языками, приобретающими статус государственных.

Методология Б. Андерсона не ограничивается конструктивизмом, поскольку предполагает, что нация, «будучи однажды воображенной», затем транслируется, наследуется и трансформируется следующими поколениями, и в этом тезисе его позиция близка к подходу примордиалистов. Андерсон подчеркивал, что нации не только воображаются людьми, но и

¹⁴² О полемике Э. Геллнера с другими выдающимися исследователями рассматриваемых проблем см.: *Коротеева В.* Теории национализма в зарубежных социальных науках. С. 35–44, 73–83.

¹⁴³ *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 31.

складываются исторически как объективная реальность под влиянием ряда факторов, важнейшим из которых он считал «печатный капитализм» (print capitalism), позволивший распространить этнический язык одного из народов на все государство-нацию. Эта мысль близка идеям Геллнера и одновременно методологии эволюционизма. Андерсон разъяснял очень важную особенность своей концепции: то, что сообщества «воображаемые», не означает, что они мнимые или ложные. «Сообщества следует различать не по их ложности/подлинности, а по тому стилю, в котором они воображаются»¹⁴⁴. Нации как воображаемые политические сообщества в то же время реальны, поскольку такая реальность, по мысли Андерсона, определяется:

- реальной историей их возникновения в процессе модернизации и «печатного капитализма»;
- наличием таких неотъемлемых и конкретных качеств нации, как территориальная определенность (в границах государства) и суверенность;
- наличием горизонтальных связей в социальном сообществе, названных Андерсоном «товариществом», более значимым в какие-то моменты, чем социально-имущественные и другие статусные различия между членами единой нации;
- психологическими последствиями: люди «готовы умирать и убивать» за эти воображаемые сообщества.

Осознание необходимости поиска более плюралистических методологий, чем изолированные примордиализм и конструктивизм, в изучении наций и этничности стало заметным уже в 1990-х годах. Тогда известный социальный антрополог Дж. Комарофф предложил свою концепцию «неоconstructивизма», объединявшего идеи примордиализма об инерционности культурных явлений с идеями конструктивизма¹⁴⁵. Поиск условий синтеза разных подходов приобрел еще большую популярность в 2000-х годах. В 2004 году автор этой книги высказывал такую идею¹⁴⁶, а 10 лет спустя свой синтетический подход предложил М. Барбашин¹⁴⁷. Позднее мы с С. Федюниным раскрыли смысл «синтеза» в анализе этнокультурных и национально-политических процессов. На наш взгляд, *синтетический подход* к изучению этнических, межэтнических и национальных процессов можно назвать также *плюралистическим*, поскольку он предполагает сочетания не двух, а нескольких методологических принципов, по крайней мере таких, как конструктивизм, теории традиций и концепции социально-политического институционализма¹⁴⁸.

Новая трактовка основных понятий этнополитологии

Принятие методологии синтеза основных подходов в этнологии позволяет сделать обобщающие выводы относительно трактовки основных ее понятий.

Нация. Наиболее распространенная и признанная мировыми экспертами дефиниция нации состоит в том, что это «политическое сообщество граждан государства разной этнической, расовой, религиозной и другой идентичности, осознающих свое национально-гражданское единство, свои гражданские права и свою ведущую роль в политической системе государства в качестве его суверена – источника власти»¹⁴⁹. Эта дефиниция хорошо согласуется с идеями Б. Андерсона, Р. Суни и К. Калхуна.

¹⁴⁴ Андерсон Б. Воображаемые сообщества... С. 32.

¹⁴⁵ Комарофф Дж. Национальность, этничность, современность: политика самосознания в конце XX в. // Этничность и власть в полиэтнических государствах: Матер. междунар. конф. М.: Наука, 1993. С. 41.

¹⁴⁶ Паин Э. А. Этнополитический маятник.

¹⁴⁷ Барбашин М. Ю. Институты и этногенез: институциональное воспроизводство этнической идентичности...

¹⁴⁸ Pain E., Fedunin S. On a Methodological Reboot of the Theory of Nations // Russian Politics & Law. 2018. Vol. 56. № 1–2. P. 53–71.

¹⁴⁹ Паин Э. А. Межэтнические отношения: терминология, история, современные теории и место в системе государствен-

В основном нации представляют собой современные формы политических сообществ, которые состоят из людей, предполагающих, что в силу некоторых общих характеристик... <...> Они имеют право на самоопределение, право управлять собой и обладать их предполагаемой «национальной» родиной¹⁵⁰, —

пишет Рональд Суни. Крейг Калхун перечисляет следующие базовые гражданско-политические основания нации в качестве идеальной модели:

— народный суверенитет: «участие народа в коллективных делах — народная мобилизация на основе принадлежности к нации (в военной или гражданской деятельности)»;

— «прямое членство, когда каждый индивид считает себя непосредственно частью нации и в этом смысле категориально эквивалентным другим членам»;

— «идея о том, что правление является справедливым только тогда, когда оно опирается на волю народа или, по крайней мере, служит интересам „народа“ или „нации“»; и ряд других¹⁵¹.

Политическая проекция нации в современных теориях сочетается с культурной и отражает роль этнического фактора нации в использовании ею этнического (национального) языка. О его роли пишет Р. Суни, ссылаясь при этом на идеи Б. Андерсона и подчеркивая, что язык является: 1) средством, при помощи которого «воссоздается прошлое, воображаются общности и грезится будущее»; 2) основным выражением «народности нации», соединяющей ее с народной, этнической культурой; 3) «*фундаментом примордиальности*» для нации, в том смысле, что язык не конструируется нацией, а почти всегда наследуется из прошлого¹⁵². Р. Суни использует термин «примордиальность» как признак того, что это не сконструированный элемент, а полученный в результате исторической трансляции этничности. Вместе с тем Суни, как и подавляющее большинство современных академических специалистов в области теории наций, не сомневается в том, что *этничность* не играет главенствующей роли в функционировании и развитии современных *наций*, как правило *многоэтничных*. Нации являются прежде всего социально-политическими конструктами. Нации, в отличие от этноса, жестко политически привязаны к территории государства, выступая его сувереном. Они — продукт повседневного политического самоопределения граждан государства, основывающегося главным образом на синхронных, горизонтальных общественных отношениях, постоянно обновляющихся и проверяющихся в процессе, который Эрнест Ренан назвал «повседневным плебисцитом».

Национализм. Долгое время в России преобладало сугубо этническое определение этого понятия, отождествляющее национализм с ксенофобией и шовинизмом и связанное с заведомо негативной его общественной оценкой. Например, в толковом словаре Ожегова дается следующая трактовка этого понятия: «идеология и политика, исходящая из идей национального превосходства и противопоставления своей нации другой»¹⁵³. Ныне при всем разнообразии подходов к определению этого понятия национализм трактуется в европейской традиции, восходящей к Э. Ренану, как форма идеологии и направление в политике, в основе которых лежит признание ценности нации как высшей формы общественного единства и основы для образования государства¹⁵⁴. При гражданско-политической трактовке нации *национализм* лишен

ного управления // Управление межэтническими и конфессиональными отношениями: теория и практика: Уч. пособие. М.: Проспект, 2020. С. 44.

¹⁵⁰ Суни Р. Г. Советское и национальное: единство противоречий // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 19.

¹⁵¹ Калхун К. Национализм. С. 32.

¹⁵² Суни Р. Империя как она есть... С. 19.

¹⁵³ Национализм // Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=16222>.

¹⁵⁴ См.: Кедури Э. Национализм / Пер. с англ. А. Новохатько. СПб.: Алетей, 2010; Смит Э. Д. Национализм и модернизм:

негативной коннотации. К тому же мы, как и большинство современных исследователей, считаем принципиально невозможной однозначную трактовку национализма и оценку его позитивных или негативных сторон в силу необычайной многозначности этого термина¹⁵⁵.

«Этнос», «этниция» (*ethanee*) и «этническая группа» (*ethnic group*). Все эти термины приемлемы с научной точки зрения, а приоритетность их использования определяется как предпочтением конкретного исследователя, так и особенностями научных традиций разных стран мира. Понятие «этниция» в англоязычных научных публикациях использовали Энтони Смит и Пьер Ван ден Берге, но чаще всего этот термин встречается в литературе на французском и испанском языках, тогда как исследователи англосаксонских стран и Германии в последние годы обычно оперируют понятием «этническая группа» (*ethnic group*)¹⁵⁶. В научной и учебной литературе современной России и большинства других государств, возникших на территории бывшего Советского Союза, широко используется понятие «этнос»¹⁵⁷. Оно применимо в государственной статистике, особенно для учета динамики этнических общностей, сохранивших свое самоназвание, и в законодательстве, затрагивающем коллективные права этнических общностей. Понятие «этнос» предлагается в качестве основной единицы анализа межэтнических отношений и в учебном пособии, подготовленном при участии автора данной монографии¹⁵⁸.

Под этносом понимается *исторически сложившаяся социально-культурная общность людей*, характеризующаяся следующими основными признаками:

- *этнонимом (самоназванием)*; его следует отличать от *эпонима* – названия, данного внешним наблюдателем и зачастую имеющего негативную окраску. Например, самоназвание основной этнической общности Германии – «дейтч», русские люди дали ей эпоним «немцы», который происходит от презрительной клички «немые» (не говорящие по-русски). Существует еще и *политоним* – название всех жителей страны, например «россияне» – жители России с разными этническими самоназваниями («русские», «татары», «чеченцы» и др.);

- *устойчивыми представлениями* (как правило, мифологизированными) *об общем происхождении народа*. Например, у евреев оно связано с библейским мифом о том, что все они – потомки двенадцати колен (племен), имеющих общего предка Иакова (Израиля), а у итальянцев – с комплексом легенд, в том числе с легендой о братьях Ромуле и Реме, вскормленных волчицей;

- *историческими представлениями об общей территории*. Связь этноса с территорией, по мысли Э. Смита, является не прямой, а ассоциированной и может сохраняться и в отрыве от исторической родины¹⁵⁹.

На наш взгляд, в современном мире должно возрасть понимание значительной роли этничности в национальной проблематике, особенно в условиях, когда заметна политическая мотивировка предложения «забыть об этничности», прикрывающего собой стремление к отторжению территорий соседних государств с якобы нелегитимной этнической историей.

Энтони Смит отмечал, что, как бы мы ни трактовали сущность нации: в традиционном британском варианте (как все население государства) или в ее более позднем гражданском толковании, – в любом случае в нации будут присутствовать *этнические компоненты*, поскольку

Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004; и др.

¹⁵⁵ Коротеева В. Существуют ли общепризнанные истины о национализме? // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 4. С. 26–39; Миллер А. О дискурсивной природе национализмов // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 4. С. 141–151.

¹⁵⁶ Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference / Ed. by F. Barth. Bergen-Oslo; London, 1969.

¹⁵⁷ Такую трактовку различий этих терминов и понятий предлагают в России: Садохин А. П. Этнология. С. 63–65; Тавадов Г. Т. Этнология: Учебник для вузов. С. 54; в Украине: Удовичкая Т. А. Этнография и этносоциология. Методические рекомендации для студентов. Харьков: НУА, 2017. С. 8; в Казахстане: Сейдимбек А. Мир казахов. Этнокультурологическое переосмысление. Астана: Фолиант, 2012.

¹⁵⁸ Паин Э. А. Межэтнические отношения: терминология, история, современные теории... С. 46.

¹⁵⁹ Smith A. D. The Ethnic Origins of Nations. P. 32.

этническая история страны так или иначе отражается в современных нациях¹⁶⁰. В своей книге «Этническое происхождение нации» Э. Смит определяет нацию как синтетическое явление, соединяющее *гражданство, этничность и политическую территорию*.

Еще одна важная новация Э. Смита состоит в его предположении о различии роли конструирования по отношению к нации, с одной стороны, и к этническим сообществам – с другой. По отношению к последним («этносу» или «этнии») конструирование не выступает основным фактором их формирования и поддержания. Э. Смит отмечал, что этничность, разумеется, не отгорожена от процессов социального конструирования: ее элементы выстраиваются, перестраиваются и порой откровенно выдумываются, тем не менее этнические общности в течение многих веков, а иногда и тысячелетий сохраняли свою особую этническую идентичность¹⁶¹. Человек не конструирует для себя этнический язык, он получает его в детстве в семье (даже когда с детства осваивается несколько «родных языков», скажем язык отца и матери); человек не изобретает этноним и первичный комплекс таких представлений, как, например, миф об общем происхождении, этнические символы, привычки, обычаи, – все это люди и общности получают от рождения.

Эмиль Дюркгейм назвал такое наследие *коллективными представлениями*, имеющими сходное и в какой-то мере нормативное значение для всех членов социальной общности¹⁶². Свою концепцию Э. Дюркгейм обосновал в 1912 году, а век спустя К. Калхун развил эту идею, отчасти дискуссия о радикальном конструктивизме:

Многие отличительные особенности национальных культур, например, язык, не создаются индивидами. Скорее индивиды становятся личностями в социальных отношениях, которые уже сформированы культурой. Отрицать реальность или важность этих наблюдений неразумно¹⁶³.

Человек, причисляющий себя к той или иной этнической культуре, получает доступ к ее коллективной исторической памяти. Со временем индивид может измениться, перестроить свою систему идентификации, однако при отсутствии политики насильственной ассимиляции (целенаправленного растворения меньшинств) и признаков государственного притеснения по этническому признаку этническая идентичность оказывается весьма устойчивой и сохраняется у основных этнических общностей с детских лет и до конца жизни. Эта добровольная самоидентификация хорошо проявляется в жизни почти 200 народов постсоветской России.

Этничность. Для обозначения этнокультурного единства представителей одного и того же народа-этноса, независимо от места проживания людей, идентифицирующих себя с этим народом, Ю. В. Бромлей предложил термин «этникос»¹⁶⁴. В современной этнологии в этих же целях используется другой термин – «этничность» (*ethnicity*). Существует множество трактовок этого понятия, в соответствии с которыми изменяются основные признаки этничности, хотя, на наш взгляд, чаще всего ее рассматривают как:

– форму *этнической самоидентификации* человека, осознания им своей связи с определенным этническим сообществом. В этом качестве «этничность» может быть синонимом термина «национальность» (*nationality*), использовавшегося во времена сугубо этнической трактовки понятия «нация» и сохранившегося до настоящего времени в речевой практике и терминологии государственного управления;

– набор культурных маркеров, помогающих отличать свои и другие этнические общности. В качестве маркеров могут выступать: язык, этнонимы, топонимы, символы и др.;

¹⁶⁰ Ibid. P. 155–156.

¹⁶¹ Смит Э. Национализм и историки // Нации и национализм. М., 2002. С. 259.

¹⁶² Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М.: Дело, 2018.

¹⁶³ Калхун К. Национализм. С. 75.

¹⁶⁴ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. С. 59.

– проявление не только идентичности, но и более широкого самосознания этнических групп, производного от используемых культурных традиций, устойчивых представлений и стереотипов.

Один из самых авторитетных российских этносоциологов Л. М. Дробижева трактует это понятие еще шире. По ее мнению, этничность соединяет в себе самосознание и поведение людей, а именно:

Этничность – это не только этническая идентичность, этническое самосознание людей, но и *реальное следование специфическим формам поведения*, особенностям в видении и восприятии мира¹⁶⁵.

Определение основных категорий этнологии – нация, этнос и этничность – позволяет перейти к анализу других аспектов этнополитического развития.

¹⁶⁵ Дробижева Л. М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. С. 181.

4. Этнополитические процессы: новые подходы к анализу

Усилиями ученых разных направлений и научных дисциплин неполнота знаний о современных этнополитических проблемах уменьшается, хотя зона непознанного и необъясненного (точнее, неадекватно объясненного) все еще велика. Так, остается дискуссионным и малоизученным вопрос о стратегическом направлении развития этнополитических процессов и о целях этнической политики.

О классификации этнополитических процессов

На мой взгляд, наиболее полную классификацию этнических и этнополитических процессов и наиболее удачные индикаторы для различения их многочисленных разновидностей дал в свое время академик Ю. В. Бромлей. Показательно, что советский ученый, так же как большинство зарубежных исследователей, использовал в качестве наиболее общей формы классификации этнических и этнополитических (национальных) процессов их отнесение к двум основным классам – объединительным (интеграционным) и разделительным (дезинтеграционным или дивергентным)¹⁶⁶.

Разделительные (дивергентные) процессы, в свою очередь, могут быть классифицированы. В них различают два основных подвида:

- во-первых, это этническая парциация, при которой единый прежде этнос делится на несколько более или менее равных частей, причем ни один из новых этносов не отождествляет себя полностью со старым этносом;

- во-вторых, этническая сепарация, подразумевающая случаи, когда от какого-то народа отделяется его часть¹⁶⁷.

На этнополитическом, национальном уровне проявляется также такой вид дивергенции, как *сепарация* (сепаратизм), выражающийся в формировании национально-политических движений, выступающих за отделение некой этнополитической территории из состава полиэтнического государства.

Этнообъединительные процессы неоднородны и включают в себя:

- этническую (точнее сказать, внутриэтническую) *консолидацию* как процесс слияния нескольких родственных по языку и культуре этнических единиц в одну новую, более крупную этническую общность;

- этническую *ассимиляцию*, т. е. процесс растворения небольших групп (или отдельных представителей) одного народа в среде другого и полную или почти полную утрату такой группой исконных этнических свойств и столь же полное усвоение новых;

- межэтническую *интеграцию* – появление новой этнокультурной и социально-политической общности, при сохранении основных этнических черт у основных этнических единиц взаимодействия. С такого рода процессами и связано формирование в рамках многонациональных (полиэтнических) государств межэтнических или метаэтнических национальных общностей¹⁶⁸.

Именно интеграционные процессы, обеспечивающие как сохранение основных черт культурной этнической самобытности народов, так и социокультурное и социально-политическое сближение народов, стали основным направлением национальной политики («нациестроительства») в современном мире. Интеграционные процессы не являются чисто этническими,

¹⁶⁶ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. С. 235.

¹⁶⁷ Там же. С. 236.

¹⁶⁸ Там же. С. 237–238.

поскольку связаны прежде всего с политическим сближением народов внутри государств или на межгосударственном уровне, и в западной науке уже с конца 1970-х годов подобные процессы стали именовать «этнополитическими»¹⁶⁹.

В Советском Союзе этот термин не приживался, и академик Ю. В. Бромлей использовал в указанных целях другое понятие – «межэтническая интеграция»¹⁷⁰. Термин «межэтническая интеграция» как часть более широкого понятия «межэтнические отношения» и сегодня чрезвычайно распространен в российской этнополитологии и политической практике. В «Стратегии государственной национальной политики до 2025 года» дается следующее определение: «Межнациональные (межэтнические) отношения – взаимодействие людей (групп людей) разных национальностей (разной этнической принадлежности) в различных сферах трудовой, культурной и общественно-политической жизни Российской Федерации, оказывающих влияние на этнокультурное и языковое многообразие Российской Федерации и гражданское единство»¹⁷¹. Это определение, на наш взгляд, нуждается в уточнении. Во-первых, необходимо указать, что взаимодействие между людьми разной этнической принадлежности можно считать межэтническими отношениями только в случае «активизации этничности» – осознания участниками взаимодействия значимости этнических различий. Например, пассажиры автобуса разной этнической принадлежности могут и не замечать свои этнические различия, и в этом случае их отношения не являются межэтническими, но они превратятся в межэтнические в случае проявления социальной границы (по Барту). Скажем, если кто-либо из пассажиров осознает обстоятельства поездки (тесноту, давку, взаимные оскорбления или просто незнакомый язык других пассажиров и т. д.) как следствие этнических различий между пассажирами.

Мы предлагаем следующее определение: *межэтнические отношения* – это форма группового взаимодействия между людьми разной этничности, осознающих свои культурные различия и субъективно переживаемую социальную границу между «мы» и «они»¹⁷². Само это осознание составляет суть межэтнических отношений, будь то *конфронтация* или *диалог*, *партнерство* и *согласие*. Во-вторых, признавая определенную пользу параллельного использования старого советского термина «межнациональные отношения» и нового «межэтнические отношения» (учитывая советскую привычку использования первого термина), важно подчеркнуть, что в современных условиях эти термины вовсе не синонимы, они означают разные, хотя и взаимодополняющие явления. Если в Стратегии в качестве нации обозначено понятие «российская нация», то межнациональными следует называть ее отношения с представителями других наций такого же таксономического уровня, например американской, французской или индийской. Внутри каждой нации проявляются межэтнические отношения.

Но вернемся к классификации «межэтнической интеграции», предложенной Бромлеем. Академик предлагал различать разновидности (подвиды) такой интеграции в зависимости от типа политических отношений, складывающихся между этническими общностями в процессе их сближения. Он выделял следующие типы интеграции:

- а) *консоциационный*, описывающий взаимодействие равноправных и независимых в политическом отношении этносов;
- б) *симбиозный*, при котором имеет место взаимодополняющая ассоциация зависимых друг от друга этнических единиц;
- в) *сегрегационный*, относящийся к случаям взаимодействия народов, находящихся в условиях политического неравноправия, этнической дискриминации¹⁷³.

¹⁶⁹ См.: Rotshild J. Ethnopolitics.

¹⁷⁰ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. С. 239.

¹⁷¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70184810/>.

¹⁷² Паин Э. А. Межэтнические отношения: терминология, история, современные теории... С. 49.

¹⁷³ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. С. 239–240.

Предложенная Бромлеем классификация этнических и этнополитических процессов, в том числе и детальная классификация этнополитической интеграции, до сих пор в целом благожелательно принимается большинством этнополитологов, по крайней мере, мне незнакома серьезная критика этой классификации. На мой взгляд, ее единственный недостаток лишь в том, что она слабо описывает механизмы интеграции. Бромлей, который и сам осознавал, что такая интеграция является преимущественно социально-политическим процессом (отсюда и его сугубо политологическая классификация подвидов межэтнической интеграции), тем не менее смог обозначить лишь сугубо культурологические компоненты этого процесса. Мы попытаемся использовать классификационную матрицу Ю. В. Бромлея, наполнив ее новым содержанием.

Объединительные (интегративные) процессы

Интеграция (от лат. *integratio* – соединение) – объединение частей в целое. Такое объединение в этнонациональной сфере может включать в себя весьма разнородные и, как правило, длительные, поэтапные процессы:

1) *сближение* нескольких народов в рамках единого федеративного государства, с сохранением основных признаков этничности у каждого из них (особый язык, самосознание, самоназвание) или включение мигрантов разной этничности в систему политических и социально-экономических отношений сложившейся политической нации, но также с охранением у мигрантов основных этнокультурных признаков. В «Стратегии государственной национальной политики» принята концепция «гражданской интеграции», при которой целостность нации рассматривается как «единство в разнообразии», сохранение возможностей для культурного разнообразия и недопущение дискриминации людей разной этнической принадлежности;

2) *слияние* разных этнических общностей в новую этническую общность (например, объединение в единый древнерусский народ полян, древлян, дреговичей) и появление у возникшего этноса новых культурных качеств, в разной мере воспринятых у создавших его народов;

3) *растворение* одного этноса в другом, как правило более многочисленном, с утратой этнического языка, самоназвания и самосознания; этот процесс называется *ассимиляцией*, которая также весьма разнородна по своим проявлениям.

России в наследство от СССР досталось два типа социального взаимодействия русского и нерусского населения¹⁷⁴. Первый можно условно назвать сегрегационным, второй – конкурирующим. В первом случае четко выражена разделенность национальностей, как, например, в Республике Саха (Якутии). Здесь этнические саха (якуты) в наибольшей мере представлены в сфере управления, здравоохранения, просвещения, науки, культуры и искусства. Русские же заняты преимущественно в сфере индустрии, добывающей промышленности, имеют значительно большую долю рабочих и меньшую – управленцев. Аналогичная ситуация сложилась в Туве, Дагестане, в Карачаево-Черкесской и в ряде других республик.

Другой тип социального взаимодействия, конкурирующий, характерен для более или менее сходных структур занятий у титульных народов республик и русских, когда они в одинаковой мере претендуют на одни и те же рабочие места. В наибольшей степени это проявилось в Татарстане: в большинстве отраслей, за исключением сельского хозяйства, где преобладают специалисты-татары, примерно поровну представлены обе основные национальности. В 1989 году среди специалистов и руководителей производства татар было 45%, русских – 50%; работников партийно-государственного управления – 47,6 и 47%; учителей и врачей – 43 и

¹⁷⁴ Дробизева Л. М., Паин Э. А. Особенности этнополитических процессов и становления этнической политики в Современной России // Политические и экономические преобразования в России и Украине / Woodrow Wilson International Center for Scholars; Kennan Institute. М.: Три квадрата, 2003. С. 252.

49%; художественно-творческой интеллигенции – 44 и 47% соответственно. Русские преобладали (53 против 38%) только среди работников хозяйственного управления, но, по последним выборочным исследованиям, и здесь татары представлены практически вровень с русскими¹⁷⁵.

О перспективах обеих моделей спорят ученые и в России, и в мире. При сегрегационной модели, с одной стороны, этнические группы занимают «свои ниши», взаимно дополняют друг друга и заинтересованы во взаимодействии, а с другой – различия в отраслевой занятости связаны с неравенством в оплате труда, условиях трудовой деятельности, получении материальных благ и социального престижа, доступе к власти. Поэтому не исключено, что конкурирующая модель оказывается нередко более перспективной и позитивной. Во всяком случае, при этом в социальной сфере люди разных национальностей переживают общие трудности и радости, могут лучше понять другого. Примером может служить конкурирующая модель межэтнического взаимодействия в Татарстане, которая выдержала испытание экономическим кризисом 1998 года и ни разу не сопровождалась групповыми столкновениями или другими проявлениями.

Ассимиляция (лат. *assimilatio* – уподобление, усвоение, растворение). По определению В. А. Тишкова, этническая ассимиляция – это

частичная или полная утрата культуры в пользу другой, обычно доминирующей культуры, включая и смену этнической идентичности. <...> Ассимиляции подвергаются прежде всего малочисленные группы с принижённым социальным и политическим статусом <...> В России ассимиляция происходит главным образом в пользу русской культуры и языка.

Далее автор говорит о том, что преобладающей является ассимиляция добровольная, но реже она

может осуществляться и через структурное или прямое насилие, когда государство препятствует распространению языка и других форм культуры этнических меньшинств и даже отказывает им в признании и в предоставлении гражданских прав (например, курды в Турции и Ираке)¹⁷⁶.

Отметим, что и ненасильственная ассимиляция, как правило, вынужденная, поскольку вытеснение из сознания человека этнической идентичности, усвоенной в детстве, всегда вызвана некой внешней необходимостью – экономической или социальной, поэтому ассимиляция характерна преимущественно для этнических меньшинств и особенно для мигрантов.

Для истории России последних двух веков нехарактерна полная ассимиляция этносов, завершающаяся утратой ими самоназваний (этнонимов). Даже такие этнические общности, как евреи, немцы, поляки, финны и греки, – численность которых в России быстро сокращалась в XX веке в результате иммиграции многих тысяч людей в страны, именуемые «исторической родиной», – все же сохранили свои небольшие российские диаспоры (этнические группы, проживающие за пределами территорий государств, на которых исторически сформировались этносы). Меньше других подвержены ассимиляции представители малочисленных автохтонных народов, имеющих в России свою этническую территорию. Частичная ассимиляция таких общностей, например забвение родного языка значительной частью его носителей, встречается чаще. Тем не менее, по данным переписи населения России 2010 года, во всех ее республиках не менее двух третей представителей народа, давшего название республике, владеют род-

¹⁷⁵ Данные за 1989 г. приводятся по расчетам Л. Остапенко; за 1999 г. – по результатам исследования в рамках проекта «Социально-экономическое неравенство этнических групп и проблемы интеграции в России». См.: Международный научно-исследовательский проект: Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации. Кн. 1: Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Автор проекта и отв. ред. Л. М. Дробизева. М.: Academia, 2002.

¹⁷⁶ Народы и религии мира. С. 881.

ным этническим (национальным) языком, даже составляя меньшинство населения в своей республике. Наименьшая доля людей, владеющих языком своей национальности, отмечена среди коми – 65% в Республике Коми, удмуртов – 67% в Удмуртской Республике и мордвы – 71% в Республике Мордовия¹⁷⁷. Вместе с тем у представителей этих же народов, проживающих за пределами своих этнических территорий, степень утраты знания своего национального языка и этнического самосознания намного выше.

Мигранты (лица, сменившие место жительства), особенно те из них, которые ориентированы на постоянное проживание в новой этнокультурной среде, в наибольшей мере готовы к ассимиляции, по крайней мере к частичной утрате навыков традиционной этнической культуры и освоению новой культуры, прежде всего ее языка. Мигранты разных национальностей в новых условиях, приспосабливаясь к принимающему сообществу, демонстрируют неизмеримо большую готовность к вступлению в межэтнический брак, чем у себя на родине. В Эстонии не более 10% эстонских мужчин вступают в межэтнические браки, а в России 94% всех супружеских пар с участием эстонских мужчин – межэтнические; у литовцев и латышей этот показатель в России еще выше – 97%¹⁷⁸. Вместе с тем доля межэтнических браков снижается по мере роста в стране численности мигрантов той или иной этничности, поскольку в этом случае увеличивается выбор невест и женихов среди этнически «своих». Такую тенденцию демонстрируют переселенцы из числа народов Средней Азии, составляющие в последние десятилетия наибольшую долю прироста мигрантов в Российской Федерации. За период между переписями 2002 и 2010 годов, по мере увеличения в России численности узбеков, таджиков и киргизов, доля межэтнических пар в их среде уменьшилась: у узбеков – с 78 до 53%; у таджиков – с 70 до 56%, а у киргизов – более чем вдвое, с 42 до 20%¹⁷⁹. Само же стремление к моноэтническим бракам обусловлено преимущественно рациональным выбором, прежде всего стремлением к сохранению привычного стиля жизни в семейной повседневности (родного языка в общении, этнических традиций, например пищевых), а также большим доверием к «своим» невестам и женихам.

Ориентация на внутригрупповое общение у мигрантов возрастает, если они расселяются компактно в моноэтнических кварталах, типа китайских «чайнатаунов» в городах США. В таких кварталах процессы ассимиляции мигрантов в принимающем сообществе существенно тормозятся. Еще один такой тормоз ассимиляции открыл Маркус Л. Хансен в 1937 году, описав широко распространенный феномен «третьего поколения». Суть его в том, что мигранты первой волны, прибывающие в Америку, обычно страстно стремятся влиться в новую среду и порой демонстрируют свой «американизм» и культуру «янки» больше, чем местные жители, а их внуки «хотят вспомнить то, что пытались забыть деды» – свою национальную родину¹⁸⁰. Ее образ, как правило, сильно мифологизированный, служит компенсацией их неудовлетворенности своим прежним статусом в новых условиях, и такого рода образы затрудняют идентификацию мигрантов с новым национальным сообществом.

Так или иначе, ассимиляция мигрантов – сложный и противоречивый процесс. Согласно концепции «циклов расовых отношений» (Race Relations Cycle), разработанной Робертом Парком еще в начале прошлого века, ассимиляция включает четыре этапа: знакомство, соперничество, аккомодацию (приспособление) и, наконец, ассимиляцию мигрантов в принимающем сообществе¹⁸¹. С тех пор признание ассимиляции как поэтапного процесса не подвергается

¹⁷⁷ Сафин Ф. Г. и др. Этногеографическое и этноязыковое развитие финно-угорских народов Урало-Поволжья // Финно-угорский мир. 2019. Т. 11. № 2. С. 152–167.

¹⁷⁸ Сороко Е. Этнически смешанные супружеские пары... С. 100.

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ Hansen M. L. The Problem of the Third Generation Immigrant. Rock Island, IL: Augustana Historical Society, 1938. P. 9.

¹⁸¹ См. подробнее: Костенко В. В. Теории миграции: от ассимиляции к транснационализму // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. XVII. № 3. С. 63.

сомнению, хотя существуют разные варианты классификации таких этапов или циклов. Наиболее обобщенно их можно сформулировать следующим образом:

- *аккультурация* (освоение языка принимающего сообщества и внешних атрибутов его поведения);
- *социализация* (принятие основных правил поведения и предлагаемых социальных ролей);
- *экономическая аккомодация* (приспособление к требованиям экономической системы);
- *идентификация* себя в качестве полноценного члена принимающего общества.

Ныне стало понятно, что завершенность ассимиляции не предопределена, поскольку существует множество факторов, препятствующих этому процессу и создающих немало «трений» на его пути. О некоторых из них мы поговорим при оценке ассимиляции как части политики управления межэтническими отношениями.

Разделительные процессы (сепарации)

Под ними понимается совокупность социально-политических и этнических процессов, вызывающих в той или иной мере расколы социально-политических общностей, а также напряженности и конфликты в отношениях между этническими группами единого государства.

При всей важности вопросов о формах и общих механизмах этнополитической интеграции, не они сегодня лидируют по числу публикаций и остроте интереса различных направлений этнической политологии (равно как и этнологии и этносоциологии). Бесспорным лидером во всей этнополитической тематике является проблема этнополитических конфликтов. И это вполне объяснимо. Минувший век, особенно его вторая половина, был удивительно противоречивым с точки зрения как развития этнополитических процессов, так и их осмысления учеными и политиками. С одной стороны, это был век дальнейшего развития либеральных и гуманистических ценностей, демонтажа почти всех колониальных образований, признания мировым сообществом проблемы меньшинств как одной из важнейших в мировой политике, проведения конституционных реформ с учетом этнокультурного фактора во многих государствах (Бельгия, Канада, Испания и др.). С другой стороны, это был век неслыханной жестокости в отношении этнических общностей. Речь идет не только об ужасах Второй мировой войны, но и о кровавых конфликтах конца столетия. По подсчетам директора Института мира в Осло Дена Смита, две трети войн только за вторую половину 1990-х годов связаны с этническими конфликтами, три четверти их жертв – мирное население¹⁸².

В условиях все новых этнополитических вызовов ученые выдвигают разнообразные концепции природы и динамики этнополитических конфликтов. Эти концепции не менее противоречивы, чем рассматриваемые ранее концепции этничности и наций, поскольку в них отражаются те же дискуссии, о которых уже шла речь в предыдущих параграфах. Чтобы не повторяться, автор выделил в этом параграфе лишь те дискуссионные вопросы, которые в наибольшей мере связаны со специфическими проблемами этнополитической конфликтологии.

Вопрос о специфике этой области знания сам по себе является предметом дискуссий, поскольку одни авторы полагают, что ничего специфического в этнической конфликтологии нет, тогда как другие, напротив, считают этнические конфликты настолько специфичными, что отрицают даже самую возможность рассмотрения их в рамках единых конфликтологических теорий¹⁸³.

Сторонники универсальности конфликтологической теории аргументируют свой подход тем, что по предмету спора все конфликты полифункциональны и в них переплетаются различ-

¹⁸² Smith D., Sandberg K. I., Baev P., Hauge W. The State of War and Peace. Atlas. L.: Penguin, 1997. P. 13.

¹⁸³ См. подробнее обзор этих дискуссий: Авксентьев В. Этническая конфликтология...

ные факторы (экономические, политические, этнические и др.), поэтому известнейший американский конфликтолог Д. Горовиц полагает, что об этнических конфликтах в полном смысле этого слова можно говорить лишь применительно к традиционным обществам Азии, Африки и Латинской Америки¹⁸⁴. Примерно такой же точки зрения придерживается и известный американский политолог М. Маршалл, говоря, что «термин этнический конфликт стал эвфемизмом для внутригосударственных конфликтов, которые мы не можем объяснить и понять»¹⁸⁵. С такими взглядами трудно не согласиться, вместе с тем переплетенность функций не означает, что одна из них, этническая, полностью лишена смысла. Так, Дж. Ротман отметил такую особенность этнических и религиозных конфликтов, как их высокая субъективность и, по выражению исследователя, «неуловимость»¹⁸⁶.

Действительно, такие конфликты глубоко субъективизированы, они опираются на аргументы истории, мифологии, которые воспринимаются сторонами конфликта по-разному. Они «идеалистичны», обращены к сакральному началу, поэтому стороны конфликта зачастую воспринимают, скажем, этническую территорию как явление священное. При таком восприятии конфликта его участники иногда отказываются даже обсуждать вопрос о территориальных уступках как форме достижения компромисса на переговорах, рассматривая такую постановку вопроса как «святотатство».

Сторонники выделения этнических конфликтов как особой отрасли этноконфликтологии полагают, что для нетрадиционных обществ, где этничность и политика переплетены, не следует использовать понятие «этнические конфликты», здесь более адекватным сложившимся реальностям является понятие «этнополитические конфликты». Однако и это определение порождает новый виток дискуссий.

Чаще всего *этнополитические конфликты* определяют по сторонам-участникам. Так, исходя из широко известного определения В. Тишкова, этническим (или этнополитическим) можно считать такой конфликт, в котором по крайней мере одна из сторон сформирована по этническому принципу¹⁸⁷. При кажущейся убедительности такого определения оно имеет свои недостатки, особенно заметные при сопоставлении дефиниции с реальной действительностью.

Во-первых, даже одну из сторон конфликта, как правило, трудно определить в качестве гомогенной этнической общности. Например, в приднестровском конфликте не только на стороне жителей Приднестровской народной республики, но и в рядах молдавской армии сражались представители разных национальностей (хотя бы потому, что не могли уклониться от призыва в армию, являющегося на территории Молдовы обязательным). Также многоэтническим был состав участников грузино-абхазского конфликта. На стороне абхазов выступали армяне, русские, представители народов Северного Кавказа, но и на стороне грузинских сил воевали представители разных народов, например отряды украинских националистов из группировки УНА УНСО.

Во-вторых, ни в одном из известных этнополитических конфликтов ни одна из сторон не представляла интересов всей этнической общности. Практически всегда были люди, которые отказывались от поддержки конфликтных действий «своих» соплеменников, а некоторые даже могли поддерживать противоположную сторону конфликта и уж во всяком случае могли принципиально осуждать насилие как способ разрешения межэтнических или политических противоречий. Таким образом, ни одна из сторон конфликта не формируется по этническому признаку, если под ним понимать всеобщую этническую мобилизацию. В связи с этим, на

¹⁸⁴ Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. P. 18–21.

¹⁸⁵ Marshall M. G. Systems at risk: Violence, Diffusion, and Disintegration in the Middle East // Wars in the Midst of Peace: The International Politics of Ethnic Conflict / Ed. by D. Carment, P. James. Pitsburg, PA, 1997. P. 82.

¹⁸⁶ Rothman J. Resolving Identity-Based Conflicts. San Francisco, 1997. P. 35.

¹⁸⁷ Тишков В. А. Этнический конфликт в контексте обществоведческих теорий // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Ч. I. М., 1992. Вып. 2. С. 86–92.

наш взгляд, ближе к истине те исследователи конфликтов, которые определяют *этнополитические конфликты* не по составу их участников, а по целям конфликтных действий¹⁸⁸. Поэтому мы предлагаем следующее определение: этнополитическими можно считать такие конфликты, которые ведутся *от имени этнических общностей*, вне зависимости от того, насколько участники конфликта полномочны представлять интересы всей общности или этнической группы, и *мотивируются целями* «борьбы за интересы народа» (нации, этнической общности), хотя в реальности могут стимулироваться иными целями и прежде всего борьбой за распределение или монопольное владение ресурсами и властью на некоторой территории.

Как в теоретическом, так и в практическом отношении чрезвычайно важен вопрос о причинах возникновения основной полосы конфликтов именно на южном фланге бывшего СССР, где сформировался полюс политической нестабильности, образовались очаги и обширные зоны самых ожесточенных вооруженных столкновений представителей разных этнополитических сил.

В современной литературе по этническим и территориальным конфликтам сложилось несколько точек зрения на эту проблему, различающихся приверженностью исследователей тем или иным универсальным концепциям возникновения конфликтов¹⁸⁹. Так, в соответствии с концепцией Сэмюэла Хантингтона, одной из самых известных в этой области, все объясняется культурной несовместимостью народов, принадлежащих к разным цивилизационным группам, прежде всего к еврохристианской и азиатско-мусульманской. Граница соприкосновения этих цивилизаций как раз совпадает с южной границей России, что и обуславливает, по мнению последователей этого ученого, возникновение здесь цепи этнических и конфессиональных конфликтов, а время обострения противоречий (конец 1980-х – начало 1990-х годов) совпадает с началом прогнозируемого гарвардским профессором нового глобального цивилизационного кризиса¹⁹⁰.

Эта концепция, которая на первый взгляд кажется хорошо объясняющей этнополитическую ситуацию на юге СНГ, при попытке ее применения на практике оказывается непригодной даже для простого эмпирического обобщения большинства конфликтных случаев. Если армяно-азербайджанский, осетино-ингушский и русско-чеченский конфликты хоть в какой-то мере могут служить иллюстрацией цивилизационного столкновения, то уже абхазо-грузинский к этой категории трудно отнести (грузины, как и большая часть абхазов, – христиане, а на стороне абхазов воевали представители как радикальных исламских организаций, так и христиане – русские казаки и армяне). Совершенно неприменима данная концепция к среднеазиатским вооруженным конфликтам, поскольку все они развивались только внутри одной конфессиональной общности (мусульман). Так, сторонами ферганского и ошского конфликтов были тюркоязычные мусульмане-сунниты, а в таджикском стороны характеризовались не только конфессиональной однородностью (мусульмане-сунниты), но и этнической, поскольку представляли один и тот же таджикский этнос, хоть и разные его регионально-клановые группы.

Ближе к реальности концепции, пытающиеся увязать объяснения всплеска конфликтов в постсоветском пространстве с глобальным процессом распада колониальной системы и борьбой «малых» народов за национальное самоопределение.

Советская национальная политика была буквально пронизана духом насилия, особенно в период сталинизма (1930–1953). Насильственный характер носила политика иерархиче-

¹⁸⁸ Стрелецкий В. Этнотерриториальные конфликты: сущность, генезис, типы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / Под ред. М. Олкот, В. Тишкова и А. Малошенко. Московский Центр Карнеги, 1997; Попов А. А. Причины возникновения и динамика развития конфликтов.

¹⁸⁹ Обзор основных концепций по данному вопросу см., например: Здравомыслов А. Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. С. 3–9.

¹⁹⁰ Huntington S. P. The Clash of Civilizations? // The International System after the Collapse of the East-West Order. 1994. См. также: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. 1994. № 1. С. 33–48.

ского разделения территорий и народов на своеобразные ранги в зависимости от типа национально-государственного образования (союзная или автономная республика, автономная область, национальный округ). Порожденные этой иерархией противоречия между так называемыми «титულными нациями», имевшими свои государственные образования, и «нетитулными», а также народами разного статуса (союзного, автономного, окружного) до сих пор проявляются в многочисленных конфликтах в СНГ, особенно на Кавказе. Столь же негативные последствия породила и советская политика насильственной перекройки границ национально-государственных образований. Кавказ был как бы лабораторией для экспериментов с этническими границами, когда единые этнические массивы (лезгин, ногайцев, аварцев, азербайджанцев, армян и др.) рассекались административной межой, в то время как различные народы принудительно объединялись для проживания в единых административных ячейках (кабардинцы и балкарцы; карачаевцы и черкесы; грузины и абхазы и др.). Похожие процессы происходили и в Центральной Азии. Так, в 1929 году от Таджикистана были отторгнуты и переданы Узбекистану два крупнейших и древнейших таджикских города Бухара и Самарканд, с прилегающими к ним, заселенными преимущественно таджиками, сельскими районами, а из Узбекистана в состав Таджикистана перевели Ленинабадскую (Ходжентскую) область, в которой значительную часть населения и сейчас еще составляют узбеки. Эти преобразования не только усилили давние таджикско-узбекские противоречия, но и заложили одну из линий регионального противостояния (между проузбекским севером и проафганским югом), драматически проявившегося в ходе гражданской войны в Таджикистане 1992–1993 годов.

Насильственной была сталинская политика депортации в 1937–1944 годах многих народов со своих исконных территорий в восточные районы СССР. Больше всего народов было депортировано с территории Кавказа, а основным местом их ссылки стала Центральная Азия, и в обоих регионах депортация заложила очаги конфликтов.

То, что насильственная политика государства постоянно провоцировала представителей национальных окраин на ответные действия, не вызывает сомнений и хорошо вписывается в концепцию национально-освободительной борьбы. Однако названная теория не объясняет, почему эта борьба начала разгораться не в период, когда Советская империя в наибольшей мере проявляла свой репрессивный характер, а как раз тогда, когда она стала либерализоваться, развивать федеративные отношения и расширять полномочия национальных автономий. Трудно понять, оперируя этой теорией, почему примерно равный и тягостный исторический опыт подвигает одни народы (например, чеченцев) на восстания, а другие (скажем, ингушей, родственного чеченцам этноса, разделивших с ними тяготы депортации) настраивает на относительно спокойную адаптацию к изменяющимся условиям. Совершенно не объясним теорией национально-освободительной борьбы феномен Казахстана. Российская колонизация этого края с XIX века дала множество поводов для потенциальных конфликтов. Она привела к превращению казахов в относительное меньшинство в составе населения на своей исторической территории; к концентрации здесь в 1941–1956 годах депортированных народов, многие представители которых рассматривали республику как место ссылки; к соприкосновению на этой территории самых больших на всем постсоветском пространстве совокупностей этнических общностей, принадлежащих к исламо-азиатской и евро-христианской цивилизационным группам; к насильственному отторжению от Казахстана территории с преобладанием казахского населения и приращению районов, в основном населенных русскими. Несмотря на все это, здесь ни разу не возникали такие этнические и территориальные конфликты, которые хоть в малой мере были бы сопоставимы по своей ожесточенности и длительности с таджикским или кавказскими.

Некоторое объяснение этому феномену можно найти с помощью еще одной концепции, которая часто используется при интерпретации причин возникновения этнических конфликтов на территории бывшего СССР. Условно ее обозначают как «концепцию идеологического

обруча», а суть сводят к тому, что социалистическое тоталитарное государство сдерживает (сжимает, как обруч) развитие национальных движений. Однако, как только под напором внутренних и внешних обстоятельств репрессивная мощь и идеологические оковы тоталитарного государства слабеют, из разомкнутого обруча вырывается накопленный годами национализм¹⁹¹. Процесс этот происходил неравномерно в разных регионах и республиках бывшего Советского Союза. Так, в Центральной Азии и после распада СССР ведущую роль в политической жизни республик сохранила коммунистическая партия (исключения, и то на очень короткий период, составили лишь Таджикистан и Киргизия). Эта партия претерпела лишь незначительные внешние изменения, например была переименована (в Казахстане – в социалистическую, в Узбекистане – в народно-демократическую, в Туркмении – демократическую), а ее лидеры Нурсултан Назарбаев, Ислам Каримов и Сапармурат Ниязов сохранили за собой функции руководителей соответствующих республик, ставших независимыми государствами. Сходство в их политике состояло в том, что они, опираясь на умеренный, лояльный правящему режиму национализм, решительно пресекали деятельность радикальных националистических и исламских организаций¹⁹².

Иначе развивались события в Закавказье и Чечне. Здесь в 1990–1991 годах к власти в республиках пришли лидеры национальных движений: Звиад Гамсахурдия в Грузии, Абульфаз Эльчибей в Азербайджане, Джохар Дудаев в Чечне. Нечто похожее произошло и в Таджикистане. Так, Каддридинов Аслонов, пришедшего к власти в этой республике сразу после провала августовского путча 1991 года в Москве, роднит с перечисленными лидерами кавказских республик не только то, что он также в числе первых законодательных актов подписал запрет деятельности коммунистической партии¹⁹³, но и сомнительная слава человека, приход которого к власти вызвал, пусть косвенно, бурный всплеск радикального национализма. Аслонов, будучи первым представителем южных кланов таджиков, возглавившим Таджикистан, способствовал развитию особой формы национализма – кланового. Между тем национализм во всех его формах как раз и явился в эти годы основным фактором возникновения вооруженных этнических конфликтов и перерастания их в полномасштабные войны.

Существуют убедительные доказательства того, что эскалация этнических конфликтов больше зависит не от тяжести исторических невзгод и обид, пережитых тем или иным народом, а от способности узкой группы людей, действующей от имени нации (зачастую самозванно), манипулировать массовым сознанием, актуализируя реальные и мнимые обиды народов, превращая их в политические лозунги, мобилизующие соплеменников с целью захвата власти или ее удержания. А. Попов, описывая механизмы манипуляции массовым сознанием при подготовке к конфликту, выделил три стадии в процессе этнической мобилизации¹⁹⁴.

Первая стадия – «эмоциональной актуализации», при которой все прошлые и настоящие, действительные и мнимые обиды должны быть выведены на поверхность общественного сознания и поданы в болезненно-заостренной форме как свидетельства и символы национального унижения и оскорбления, затрагивающие честь и личное достоинство каждого представителя данного этноса (если, конечно, он хочет сохранить за собой право считаться «истинным сыном своего народа», «своего отечества»).

¹⁹¹ См.: Здравомыслов А. Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. С. 5.

¹⁹² См. подробнее: Паин Э. Центральная Азия: модели национальной политики новых независимых государств // Российский монитор. 1995. № 5. С. 20–33.

¹⁹³ Все названные политики правили в своих республиках недолго, были насильственно отстранены от власти, и на их место вернулись бывшие руководители местных коммунистических партий: Эдуард Шеварднадзе в Грузии, Гейдар Алиев – в Азербайджане, Доку Завгаев – в Чечне, Рахмон Набиев – в Таджикистане.

¹⁹⁴ Попов А. А. Причины возникновения и динамика развития конфликтов. С. 273–297.

Вторая стадия – «операциональной ориентации», когда конфронтационные импульсы претворяются в мобилизующую соплеменников («соотечественников») программу привлекательных политических целей и практических шагов.

Наконец, третья стадия, «моральной легитимизации», завершает процесс этнического манипулирования. На ней намеченные к реализации цели и конкретные программные установки, практические шаги должны быть морально санкционированы господствующим в данной этнической среде общественным мнением. После этого любые акции данного национального движения, даже если они сопряжены с неминуемыми беспорядками и кровопролитием, заведомо будут восприниматься как нравственно оправданные, отвечающие высшим национальным интересам.

Так называемые «инструменталистские концепции этнических конфликтов», описывающие механизмы манипуляции массовым сознанием и роль манипуляторов, так называемых «этнических и религиозных предпринимателей», приоткрывают завесу тайны о причинах возникновения конфликтов, но и они не объясняют их полностью. В частности, если «этнические антрепренеры» или экстремистские политические организации столь влиятельны, то почему в одних районах они появляются и укореняются, а в других нет? Почему, формируясь во многих районах, они добиваются своих целей лишь в некоторых?

В числе факторов развития этнических и территориальных конфликтов на юге постсоветского пространства не последнее место занимают и экономические причины, особенно в 1990-х годах, когда многие государства Закавказья и Центральной Азии стали местом добычи и транспортировки нефти и газа, а следовательно, и жесткой конкуренции различных экономических и политических сил. В то же время не стоит и преувеличивать роль сугубо экономических интересов, в том числе и нефтяных, в развитии конфликтов рассматриваемого типа. Так, во времена зарождения карабахского, абхазского и юго-осетинского конфликтов какая-либо связь между ними и нефтяными интересами каких-либо групп совершенно не просматривалась. Чечня, бесспорно, представляет интерес и как место добычи нефти, и, особенно, как район ее транзита. Но интерес так называемого нефтяного лобби России состоял в том, чтобы не допустить в Чечне военных действий, замораживающих нефтедобычу, ее переработку и транспортировку, а главное – препятствующих чрезвычайно выгодным спекулятивным операциям с нефтью на территории республики. Однако война все равно началась, и все ее участники несли огромные убытки. Кроме того, возможности нефтяного или какого-либо иного экономического лобби диктовать свои решения высшему руководству страны, скажем России, сильно ограничены другими влиятельными группами, преследующими свои собственные интересы. Более того, даже внутри одной отрасли нефтяной и газовой промышленности различные группировки не могут договориться о единой политике¹⁹⁵.

О том, что влияние экономических интересов не является решающим в развитии этнических конфликтов, свидетельствует и то, что лидеры национальных движений, роль которых в возникновении и эскалации конфликтов чрезвычайно велика, насколько мне известно, ничего от этого не выиграли экономически, поскольку больше всего были заинтересованы в удовлетворении своих политических амбиций. Другое дело, что вокруг всех сторон конфликта всегда вращаются представители нелегального и откровенно криминального бизнеса и они-то действительно наживаются на конфликтах. Вместе с тем было бы большим преувеличением считать криминальный бизнес главным виновником развития конфликтов на юге СНГ. На роль «главного виновника» в развязывании подобных конфликтов не могут претендовать, как уже отмечалось, и силы, заинтересованные в продвижении нефтяных интересов, хотя не вызывает сомнений факт использования уже развившихся конфликтов и их последствий в нефтяной

¹⁹⁵ Паин Э. А. Нефтяная и газовая дипломатия России // Pro et contra. 1997. Т. 3. № 2. С. 63.

политике многих государств (в том числе и России). Многочисленные примеры тому проявлялись в российской политике в Прикаспийском регионе¹⁹⁶.

Правительства многих государств мира часто пытаются объяснить возникновение межэтнических или межконфессиональных конфликтов «происками» неких внешних сил, однако при этом редко приводят сколько-нибудь убедительные аргументы в пользу того, что некое иностранное государство стало виновником зарождения этнического или территориального конфликта. Так было неоднократно при возникновении конфликтов в зонах расселения тюрков и китайцев в Китае, исламского и индуистского населения в Индии, в полиэтнических и мультиконфессиональных регионах Балкан, Кавказа, Ближнего Востока и Центральной Азии. Между тем причины большинства конфликтов в названных регионах мира обычно бывают хорошо объяснимы, исходя из внутренних обстоятельств жизни различных культурных групп, взаимодействующих на этих территориях. Другое дело, что государства, претендующие на лидирующую роль в рассматриваемых регионах (Китай, Индия, Россия, Турция, Иран, США и др.), учитывают и зачастую используют в своей политике фактор конфликтности на территории того или иного региона мира в целях усиления своего регионального и/или глобального влияния.

Наибольшие расхождения во мнениях аналитиков вызывает вопрос о роли России в возникновении, эскалации и урегулировании подобных конфликтов.

Эти споры вызваны прежде всего бросающейся в глаза противоречивостью ее геополитических интересов. Так, не вызывает сомнений заинтересованность России в стабилизации и смягчении политического климата на территории прилегающих к ней стран юга СНГ, хотя бы потому, что ее северокавказские республики, являющиеся самыми нестабильными в Федерации, подвержены тем же политическим болезням, что и закавказские государства, а над поволжскими республиками постоянно витает угроза заражения нестабильностью, исходящей из горячих точек Средней Азии. Вместе с тем провоцирование конфликтов и внутренних междоусобиц в духе политики «разделяй и властвуй» не раз использовалось Россией для укрепления своего влияния за полтора века ее присутствия в обоих регионах.

Хочу прояснить некоторые аспекты своей личной позиции по данному вопросу, которую не могу переложить на некое коллективное «мы», включая даже людей, которые так или иначе помогали в подготовке этой книги. Прежде всего, я рассматриваю как предельно упрощенные и неадекватные реальности суждения тех авторов, которые пытаются объяснить природу обострения территориальных споров в постсоветском пространстве исключительно «имперскими происками Кремля». Ничто, на мой взгляд, так не удалено от истины, как предположение, что внешняя политика постсоветской России планировалась и осуществляется в духе сакраментальной «теории заговоров»¹⁹⁷. Непродуктивно описывать эту политику и в терминах «теории хаоса», т. е. как совокупности абсолютно спонтанных действий, не обусловленных государственными интересами. При оценке политики России в конфликтных зонах автор исходит из теории «переходного» характера такой политики, отражающей незавершенность процесса национально-государственной консолидации России, начального этапа становления новых экономических отношений и системы демократического функционирования посткоммунистических институтов государства и общества. Также находится в стадии становления и процесс геополитической самоидентификации России.

Осознание и формулирование российских интересов в сфере международной безопасности, геополитической стратегии и развития внутренних федеративных отношений происходит в борьбе различных политических сил. Поэтому политика России характеризуется причудли-

¹⁹⁶ См., например: Федоров Ю. Каспийская политика России: к консенсусу элит // Pro et contra. 1997. Т. 3. № 2. С. 77–78.

¹⁹⁷ См. подробнее по этому вопросу: Паин Э., Попов А. Принятие политических решений в вопросах использования силы в США и России. Силовая политика России // Как делается политика в США и России / Под ред. Дж. Азраэля и др. М.: Комплекс-Прогресс, 1996. С. 281–301.

выми сочетаниями и чередованиями противоречивых тенденций, как по отношению к новым независимым государствам, так и к регионам самой Российской Федерации.

Обзор основных концепций развития конфликтов должен был, на наш взгляд, показать прежде всего ограниченность возможностей всех известных концепций в объяснении причин, обусловивших взрыв конфликтов в рассматриваемых регионах в 1990-х годах. Вместе с тем, если рассматривать эти концепции по принципу их взаимной дополнительной, то в совокупности они дают некоторое представление об общей картине эскалации конфликтов в постсоветском пространстве и о сложности причин, обусловивших изучаемый феномен.

В 1990-х годах, в первые годы существования постсоветской России, центральной проблемой национальной политики был вопрос о политическом статусе этнических территорий. Именно он породил особый тип конфликтов в межэтнических отношениях.

«*Вертикальные конфликты*», или «*конфликты суверенизации*». Это межгрупповые отношения, в рамках которых широкие массы людей определенной этнической принадлежности могут объединяться в политические движения, обычно называемые «национальными движениями», консолидируясь вокруг идеи национального самоопределения. Идея суверенизации формируется этническими элитами, приобретая затем массовую популярность.

Большую часть межэтнических конфликтов, вспыхнувших в 1990-х годах, можно назвать «вертикальными», поскольку они были направлены как бы «снизу» (со стороны национальных движений) «вверх» – к центральным (федеральным) органам власти. Требования национальных движений преследовали своей целью изменение статуса территории проживания – от полного суверенитета до повышения уровня автономии республики, которая объявлялась «национальным достоянием» той или иной этнической общности. Все «вертикальные» конфликты так или иначе отражали процесс дезинтеграции Советского Союза, проявившейся в «параде суверенитетов» (1988–1991). Речь шла о конфликтах между союзным центром и союзными республиками, вызванных провозглашением верховенства республиканских законов над союзными. Одним из первых проявлений этого процесса стал карабахский конфликт, начавшийся в 1988 году¹⁹⁸. Он открыл собой череду длительных вооруженных конфликтов (карабахский, абхазский, таджикский, югоосетинский, осетино-ингушский, приднестровский и чеченский), в которых участвовали регулярные армии и использовалось тяжелое вооружение. В процессе «парада суверенитетов» проявились вертикальные конфликты и внутри России. По уровню радикальности требований, предъявляемых российским властям национальными движениями, все конфликты суверенизации внутри России могут быть разделены на четыре типа:

– конфликты, возникшие в результате притязаний существовавших ранее национально-территориальных автономий на полный государственный суверенитет; к таковым на территории Российской Федерации относился только чеченский конфликт, который породил две вооруженные кампании (1994–1996 и 1999–2000);

– конфликты, связанные с односторонним повышением статуса республик, объявлением их «субъектами международного права» или включением в республиканские конституции других норм, противоречащих федеральному законодательству, но без формального притязания на создание на базе этих автономий независимых государств (республики Татарстан, Башкирия, Тува, Якутия и некоторые другие – 1991–1992);

– конфликты, ставшие следствием провозглашения этническими общинами новых национально-территориальных автономий. На такой основе развивались следующие конфликты: а) между рядом национальных движений Дагестана и властями республики; б) между балкарским национальным движением и властями Кабардино-Балкарской Республики; в) между дви-

¹⁹⁸ Началом карабахского вооруженного конфликта считают 20 февраля 1988 г., когда сессия областного Совета Нагорно-Карабахской автономной области приняла обращения к Верховным Советам СССР, Азербайджана и Армении с просьбой дать разрешение на передачу Карабаха из состава Азербайджана в состав Армении. См.: Зверев А. Этнические конфликты на Кавказе // Спорные границы на Кавказе. М., 1996. С. 19.

жением радикальной части этнических общин Карачаево-Черкесии и ее властями, отказавшимися признать ранее провозглашенные Карачаевскую, Черкесскую, Абазинскую и две казачьи (Урупско-Зеленчукскую и Баталпашинскую) республики (1992–1994);

– конфликты между национальными движениями соседних республик, претендующими на контроль над спорными пограничными территориями. Речь идет прежде всего о конфликте между Северной Осетией и Ингушетией из-за Пригородного района. Этот конфликт, безусловно, «горизонтальный» межэтнический, поскольку породил, по крайней мере на время, массовые взаимные претензии между ингушами и осетинами. В то же время его можно считать и «вертикальным», поскольку лидеры противоборствующих сторон апеллировали к федеральной власти, требуя подтвердить их права на территорию (1992).

Все «конфликты суверенизации» в России оказали значительное влияние на обострение «горизонтальных» межэтнических отношений (см. ниже), вызвав, например, потоки внутренних вынужденных миграций, пик которых пришелся как раз на время активизации указных конфликтов. Так, в процессе осетино-ингушского конфликта (1992) «практически все ингушское население Северной Осетии – Алании и менее многочисленное осетинское население Ингушетии на многие годы покинули свои дома...»¹⁹⁹. Чеченскую Республику накануне двух военных кампаний, а также в ходе вооруженных столкновений покинули 250 тысяч человек, по большей части русских, тогда как после второй кампании (1999–2000) основную долю вынужденных мигрантов составили чеченцы²⁰⁰.

К началу 2000-х годов отчетливо проявилась смена ведущей тенденции в этнополитических процессах, а вслед за ней изменился и характер межэтнических отношений. В это время противоречия между республиками и федеральным центром стали менее заметными по сравнению с новой проблематикой – конфликтностью взаимоотношений этнических мигрантов и принимающих сообществ, прежде всего в городах России.

«Горизонтальные конфликты» – этнически окрашенные межгрупповые конфликты. Это название весьма условное. Во-первых, речь не обязательно идет о конфликтах как наиболее острых социальных противоречиях, проявляющихся в открытых действиях, зачастую это более мягкие противоречия, например взаимные подозрения, не доходящие до прямых столкновений. Во-вторых, слово «горизонтальные» подчеркивает, что эти противоречия не затрагивают непосредственно отношения общества и власти, а протекают внутри разных групп населения или между ними. Такие горизонтальные противоречия могут возникать при взаимодействии индивидов и групп, идентифицирующих себя с этническим большинством или с меньшинствами, с местным населением или с мигрантами, а также между разными группами внутри мигрантских сообществ и др.

К числу давних относятся следующие горизонтальные конфликты в России:

– *борьба за однотипные формы хозяйственного использования ограниченных земельных и водных ресурсов* с включением в конфликт этнической мобилизации. Классические примеры дают хозяйственно-земельные споры в равнинных земледельческих районах Дагестана, если в соседних селениях или кварталах крупных полиэтнических селений проживают представители разных этнических общностей: аварцы, чеченцы-акинцы, кумыки, лезгины и др.; подобные конфликты в Ставропольском крае и Ростовской области между русскими и этническими группами выходцев из Дагестана и Чеченской Республики; конфликты в Республике Крым между русским и крымско-татарским сельским населением;

– *борьба за разное хозяйственное использование одних и тех же территорий* в районах проживания народов с разными хозяйственно-культурными традициями (например, земледельческой и скотоводческой) и разными исторически сложившимися этническими специали-

¹⁹⁹ Мкртчян Н. Десятилетие вынужденной миграции в России // Полит.ру. URL: <https://polit.ru/article/2002/06/26/464308/>.

²⁰⁰ Там же.

зациями. Одни группы хотят использовать территорию как пастбища, а другие для земледелия. Такие конфликты характерны для многих регионов Северного Кавказа. В районах проживания коренных малочисленных народов Севера подобные конфликты возникают в случае попыток промышленного освоения территорий традиционного хозяйствования коренных народов, например оленеводства.

В 2000–2020 годах наибольший размах межэтнических конфликтов проявился не в республиках России, а в ее краях и областях, и не столько в сельской местности, сколько в крупнейших городах, центрах притяжения мигрантов. В эти годы проявились две основные разновидности горизонтальных конфликтов с этнической мобилизацией:

– *погром* – одностороннее идеологически подготовленное насильственное действие представителей националистических групп этнического большинства, направленное против религиозных, национальных или расовых меньшинств, и прежде всего мигрантов. Термин «погром», вошедший ныне в правовой язык во всем мире, возник в России в конце XIX века, когда в еврейских кварталах некоторых городов устраивались погромы, инспирированные властями по политическим и идеологическим соображениям. В настоящее время погромы характерны для разных стран мира, и одним из основных объектов такой формы насилия все чаще становятся мигранты²⁰¹. По данным аналитического центра «Сова», насильственные действия, мотивированные этническими предубеждениями в отношении меньшинств, преимущественно из числа мигрантов, в начале 2000-х годов отмечались более чем в 40 регионах страны. Местом наибольшего притяжения мигрантов стали крупнейшие города страны. На Москву и Московскую область в разные годы приходилось от 33 до 42% всех преступлений на этнической почве, на Санкт-Петербург и область – 11–15%²⁰²;

– *двусторонние, спонтанные межэтнические конфликты* на основе изначально бытовых столкновений. Классическим примером конфликта этого типа могут служить столкновения в Кондопоге (Карелия). В 2006 году здесь в течение нескольких дней (29 августа – 3 сентября) разрастался межэтнический конфликт, первоначальным толчком для которого стал заурядный бытовой спор в ресторане. Сторонами этого спора были две группы людей, русской и чеченской национальности, и в какой-то момент обе они посчитали, что задеты их этнические чувства. В напряженной психологической обстановке этого оказалось достаточно для вспышки этнического конфликта, в который было вовлечено, в его кульминационной точке, около тысячи жителей города. По аналогичному сценарию развивались события в других населенных пунктах (Демьяново, Кировская область, 2012 год; Пугачев, Саратовская область, 2013; Бирюлево, Москва, 2013; Нурлат, Татарстан, 2013; Чемодановка, Пензенская область, 2019; и др.), хотя этнический состав групп, вступавших в конфликт, был разным.

Преобладание в 2000-х годах миграционных горизонтальных конфликтов над вертикальными указывает на сближение этнополитической ситуации в России со странами «глобального Севера», в межэтнической и меконфессиональной проблематике которых, несомненно, преобладают темы, связанные с миграционными процессами. На рубеже XX–XXI веков Россия и Германия уступали только США, но лидировали в Европе среди стран с наибольшим притоком иммигрантов. При этом по уровню негативного отношения принимающего населения к иммигрантам Россия, судя по данным Европейского социального исследования (ESS) в трех его волнах (2006–2008; 2016 и 2019), устойчиво занимала срединное положение и входила в одну группу с Чехией и Эстонией; уступала Германии, Великобритании и Франции, но выглядела более толерантной в сравнении с Венгрией, Израилем и Португалией²⁰³.

²⁰¹ Canego Г. Иммигранты в Западной Европе // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 9. С. 50–58.

²⁰² Ультраправые на улицах, правоохранители в Интернете / Под ред. А. Верховского // Полит.ру. 2012. 27 июня. URL: http://www.polit.ru/article/2012/06/27/Spring_12_12-06-22/.

²⁰³ Дробизева Л. М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. С. 256.

В числе проблем «горизонтальных» межэтнических отношений сохраняются, хотя и выглядят менее болезненными, чем миграционные, взаимоотношения между русским населением и титульными этническими общностями в республиках. В таких отношениях можно выделить три основные проблемные сферы:

– *социально-экономическое и социально-статусное неравенство*. Исследования Института социологии РАН показывают, что при всех нюансах таких различий они имеют преимущественно психологическую природу. Как отмечает В. Коротева, «люди склонны преувеличивать ущемленность собственной группы и преуменьшать ее привилегии»²⁰⁴;

– *изменение этнодемографической ситуации*. В Российской империи и СССР до 1959 года численность русского населения в так называемых национальных окраинах росла, а затем стала сокращаться. И эта тенденция ныне характерна для большинства республик Российской Федерации. Сложившаяся этногеографическая ситуация и сама по себе воспринимается как неблагоприятная немалой частью русского населения в республиках, но также она порождает предпосылки для межэтнических конфликтов в ряде других сфер, например этноязыковой;

²⁰⁴ Цит. по: Там же. С. 234.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.